

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 21

НОЯБРЬ

1926 г.

Содержаніе:

	Стр.
Неудобный пассажиръ. Разск. Г р. Быстрова съ 3 рис.	65
Стихотвореніе В. Вячеславскаго	68
„Полковникъ“. Разск. Н о р м а н а У э изъ жи- зни золотоискателей	69
„Кактусъ-Кэтъ“. Разск. Марг. Вильсонъ изъ жизни америк. школьницъ съ 3 рис.	72
Изъ исторіи земли. Очеркъ Л. Гданскаго съ 2 рис.	76
Въ гостяхъ у пещернаго челоѣка. Очеркъ В. Левитскаго	79
Радіо. Какъ построить радіопріемникъ-детек- торъ, ст. Э. Виттенбурга съ 3 черт.	80
Были и сказанія Руси. Кіевъ — мать горо- довъ русскихъ, съ 1 рис.	82
Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Біографія съ портретомъ	85
Фотографъ-любитель :	
Позитивный процессъ	87
Художественная свѣтопись. Къ фотогра- фической выставкѣ „Юнаго Читателя“ съ 4 картинами	88
Бой-скаутъ. Русскіе скауты заграницей, съ 6 фот.	90
Уголокъ спорта (съ 1 фот.).	92
Юный филателистъ. Конкурсъ филателиста	93
Обо всемъ понемногу. Почему мухи жалятъ только осенью? Ростъ ногтей	94
Юморъ. Война въ джунгляхъ	95
Объявленія	
Приложеніе: С ъ р ы й д о м и к ѣ , романъ Л. К о р м ч а г о листъ 9-ый.	

НЕУДОБНЫЙ ПАССАЖИРЪ

Разсказъ

Гр. Быстрова.

Тамъ, гдѣ заливъ Балленасъ глубоко врѣзывается въ дѣветвенный берегъ, рѣка Сiera Матрона катитъ свои мутныя воды въ Тихій океанъ, образуя узкую песчаную мель, далеко-далеко уходящую въ море.

Въ этомъ дикомъ, нетронутомъ человѣческой культурой уголкѣ природа проявила всю силу своего могущества: немного поодаль отъ берега тянется на необозримое пространство первобытннй лѣсъ, гдѣ водится множество звѣрей: пумъ, ягуаровъ, медвѣдей, дикихъ кошекъ и др. хищниковъ.

На этомъ почти необитаемомъ берегу Америки я случайно встрѣтился со старымъ товарищемъ — Джономъ Келли. Этотъ человѣкъ обладаетъ громадной физической силой и ловкостью. Почти всю жизнь онъ провелъ на морѣ или же въ дикихъ лѣсахъ и степяхъ Стараго и Новаго Совѣта. Онъ прошелъ лѣшкомъ изъ Канады до Новаго Орлеана, изъ Буэнос-Айреса до Чили и отъ Капштадта до Каира. Во время этихъ переходовъ онъ, будучи страстнымъ охотникомъ, испыталъ немало и могъ разсказать много интересныхъ приключеній. Я, зная его странную черту, — онъ не любилъ, когда его разспрашивали, — сидѣлъ молча, оглядываясь по сторонамъ. А ночь была чудная: небо, усыянное мириадами золотыхъ искръ, точно обьяло спящую землю, тихую, но полную далекихъ неясныхъ звуковъ. Мракъ ночи усиливался вблизи яркаго костра, на которомъ мы варили кофе. Недалеко раздавались серебрястые звуки плескавшей воды, а сверху на насъ глядѣла луна, освѣщая и небольшую полянку, и темнѣющій вдаль лѣсъ.

По лицу моего пріятеля пробѣжала усмѣшка. Онъ оживился и, покуривая трубку, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Годъ тому назадъ, въ этомъ самомъ мѣстѣ я привязалъ небольшую морскую шлюпку къ мосткамъ пристани, далеко уходившимъ въ рѣку. Былъ уже вечеръ. Я зналъ, что поблизости находится небольшой домикъ, гдѣ я могу переночевать, но рѣшилъ почему-то остаться у себя, въ небольшой каютѣ на кормѣ шлюпки. Она была очень мала, но я все-же могъ проспять въ ней до утра.

Я легъ на полъ, высунувъ голову изъ дверей каюты, чтобы дышать во время сна здоровымъ морскимъ воздухомъ. Утромъ, едва только первые солнечные лучи стали прорываться сквозь синѣющій въ туманѣ лѣсъ, какой-то шумъ на пристани заставилъ меня открыть глаза. Повернувъ голову, я увидѣлъ на концѣ пристани почти надо мною большую красивую пуму, зорко смотрящую впередъ. Ноздри ея двигались — она нюхала воздухъ, и я сразу догадался, что тонкое чутье хищника привлекъ запахъ солонины, которую я повѣсилъ на ночь на свѣжій воздухъ за кормой шлюпки. Я удивился, какъ это пума не почувяла моего присутствія, хотя я и былъ ближе, чѣмъ соленое мясо.

Положеніе мое было неважно: ружье находилось въ каютѣ и трудно было достать его, не обративъ на себя вниманія пумы.

Я раздумывалъ... Вдругъ пума сдѣлала ловкій, красивый прыжокъ на крышу каюты и черезъ секунду очутилась на кормѣ — у мяса. Очутиться на палубѣ небольшой шлюпки наединѣ съ дикой, свирѣпой кошкой врядъ-ли кому доводилось. Неудивительно, что мое хладнокровіе поколебалось, и первой моей мыслью была мысль о бѣгствѣ.

Пума не теряла времени надъ висѣвшимъ мясомъ. Я слѣдилъ за ней, стараясь улучшить минуту, чтобы выпрыгнуть за бортъ шлюпки. Но тутъ я сдѣлалъ открытіе, испугавшее меня еще больше, чѣмъ присутствіе пумы. Я замѣтилъ, что кусты и деревья двигаются отъ меня все дальше и дальше, и понялъ, что мы плыли внизъ по теченію

рѣки въ открытое море. Очевидно, отъ сильнаго толчка, вызваннаго прыжкомъ пумы, привязь лопнула. Прыгнувъ за бортъ, я рисковалъ потерять шлюпку, а это совсѣмъ не входило въ мои расчеты. Оставалось одно: заставить животное броситься въ рѣку, а затѣмъ поставить парусъ и взяться за руль. Но не такъ-то легко было это сдѣлать.

Я часто слыхалъ отъ охотниковъ, что неожиданный крикъ чловѣка обращалъ въ бѣгство самыхъ свирѣпыхъ хищниковъ. Я крикнулъ, что было силы. Признаться, никогда въ жизни я не издавалъ такого дикаго рева, и онъ дѣйствительно испугалъ пуму. Она сразу присѣла, хотѣла прыгнуть, но вдругъ затряслась и осталась на мѣстѣ. Въ слѣдующій моментъ она быстро повернулась и вскочила на крышу каюты.

Пума, очевидно, хотѣла старой дорогой вернуться на берегъ, но мы были уже далеко отъ него. Ея испугъ придалъ мнѣ увѣренность, и я закричалъ еще неустовѣе. Сжавшись отъ страха и вытянувъ свой хвостъ, какъ бильярдный кій, хищникъ неподвижно лежалъ возлѣ самага борта. На минуту во мнѣ блеснула мысль выстрѣлить въ нее, но это было бы рискованнымъ шагомъ, такъ какъ убить пуму нелегко, а раненая она очень опасна.

Обдумавъ положеніе, я разсудилъ, что самое лучшее — не мѣшать моему пассажиру смирно лежать и постараться направить судно къ берегу. Я еще разъ громко крикнулъ и, улучивъ минуту, поставилъ парусъ. Непрошенный пассажиръ слѣдилъ за мной и моими движеніями, какъ бы понимая, что я работаю для совмѣстнаго нашего спасенія.

«Теперь, — соображалъ я, — пума обязательно прыгнетъ за бортъ, когда парусъ заполощетъ и шлюпка накренится на бокъ.» И я опять закричалъ изо всей силы и бросился къ ней. Я самъ удивляюсь теперь, какъ храбро дѣйствовалъ тогда, несмотря на явную опасность положенія. Пума тихо прошла къ носу, не обращая особаго вниманія ни на меня, ни на трепещущій отъ вѣтра парусъ. Казалось, не было такой силы, которая заставила бы ее броситься въ воду.

Положеніе получилось такое: я сидѣлъ на кормѣ у руля, пума на носу. Вѣтеръ былъ средній, и я уже не боялся, что

насъ унесетъ въ открытый океанъ. Сидя на своемъ мѣстѣ, я думалъ о томъ, что предпринять относительно пумы, которая, лежа смирно на носу, думала, вѣроятно, то же обо мнѣ.

Разумнѣе всего было подѣхвать къ берегу, чтобы пума могла выпрыгнуть на него; но странное чувство удержало меня: я захотѣлъ вдругъ овладѣть своимъ пассажиромъ. Живая пума стоитъ очень дорого на сѣверѣ, гдѣ ихъ покупаютъ для звѣринцевъ, и мысль эта захватила меня. Но хотя пума и находилась на борту моей шлюпки, овладѣть ею было дѣломъ далеко не легкимъ.

Я не стремился къ берегу, а лавировалъ посрединѣ рѣки, избобрѣтая планъ поимки моего непрошеннаго гостя.

Больше часа мы катались по рѣкѣ. Вдругъ я увидѣлъ парусъ, а затѣмъ и шлюпку почтальона Стивенса, который развозилъ почту по берегу рѣки одинъ разъ въ недѣлю изъ Розавилля въ Костеръ. Я ему страшно обрадовался.

— Стивенсъ! — крикнулъ я ему, — не подходите близко, — у меня на борту пума!

— Келли! — откликнулся онъ, — вы поймали ее живою? Я никогда не позволю уйти ей на берегъ или застрѣлить ее. Вѣдь она живая стоитъ очень дорого на сѣверѣ!

— Такъ помогите мнѣ овладѣть ею, — отвѣтилъ я.

Онъ охотно согласился; затѣмъ посоветовалъ мнѣ идти внизъ по теченію рѣки; тамъ стояла рыбацкая пикана изъ Нью-Йорка, и мы надѣялись найти на ней помощниковъ. Мы шли по теченію на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы пума не могла прыгнуть на другую шлюпку.

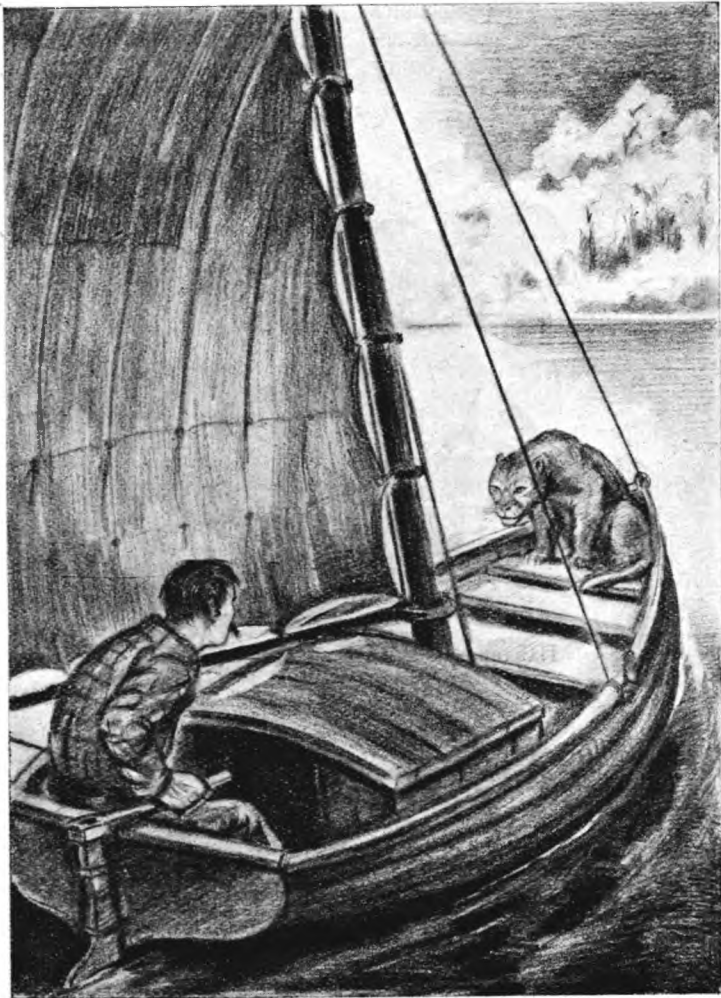
Подѣхавъ къ шкунѣ, я сталъ лавировать посрединѣ рѣки взадъ и впередъ, а Стивенсъ остался переговорить съ капитаномъ судна. Наконецъ я снова увидѣлъ его. Приблизясь на такое разстояніе, чтобы я могъ слышать, онъ сообщилъ слѣдующее: онъ досталъ неводъ у капитана и разстелеть его на берегу, прикрывъ листьями пальмы; когда я подѣду къ берегу, пума прыгнетъ и упадетъ въ сѣть. Стивенсъ и трое матросовъ со шкуны немедленно накроютъ ее; а тамъ видно будетъ, что предпринять.

Я отошелъ отъ берега подальше, а Стивенсъ и его помощники сдѣлали все, какъ было условлено. Когда ловушка была готова, Стивенсъ подалъ мнѣ сигналъ, а самъ скрылся.

Я ловко повернулъ къ берегу и врѣзался носомъ шлюпки въ то мѣсто, гдѣ была сѣть. Какъ только пума увидѣла, что судно идетъ къ берегу, она повернулась и приготовилась къ скачку. Въ моментъ толчка я громко крикнулъ; пума

ками невода и долго яростно кружилась по землѣ, волоча за собою четырехъ чеповѣкъ. Наконецъ мы усмирили ее, и она, чувствуя себя побѣжденной, легла какъ домашняя кошка, злобно глядя на насъ. Въ это время двое матросовъ прикатали большую бочку безъ одного дна. Ею мы накрыли спутанную пуму и сѣли на верхнее дно, придавивъ бочку къ землѣ.

— Ура! — закричалъ Стивенсъ. —

Я захотѣлъ вдругъ овладѣть пумой.

присѣла, сдѣлала огромный прыжокъ и сразу очутилась посерединѣ невода. Стивенсъ съ товарищами встряхнули сѣть и окутали пуму такъ быстро, что она не успѣла и опомниться.

Пума просунула свои лапы между нит-

Это одно изъ лучшихъ дѣлъ, которыя я когда-либо видѣлъ.

— Но какъ вы вынете ее изъ бочки? — спросилъ я.

— Сейчасъ увидите, — отвѣтилъ Стивенсъ. — Не все сразу! Я знаю, какъ

нужно теперь поступить съ плѣнницей. Вы держите бочку, а я сбѣгаю на шкуну. Кто-нибудь изъ васъ поможетъ мнѣ.

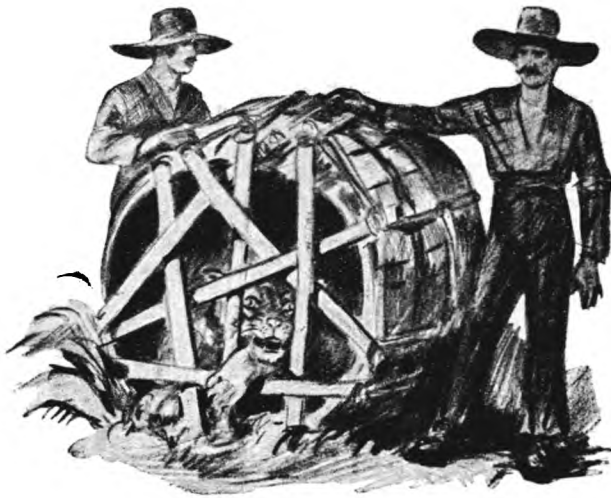
Я и два матроса остались стеречь пуму, чтобы она не опрокинула бочки. Хотя она была опутана сѣтью, но сильными, ловкими движениями не разъ ставила насъ въ опасное положеніе. Къ нашему счастью, скоро возвратился Стивенсъ съ матросами. Они несли доски и бруски для сооруженія клѣтки. Мы положили подъ опрокинутое дно бочки нѣсколько брусковъ, такъ что образовалась рѣшетка, и укрѣпили ее при помощи веревокъ. Затѣмъ мы повернули бочку

вверхъ рѣшеткой, и наша дорогая плѣнница оказалась въ нашей власти.

Не буду вамъ рассказывать, какъ мы доставили пуму на моей шлюпкѣ въ Розавилль.

Стивенсъ скоро нашелъ покупателя, который собиралъ молодыхъ медвѣдей, и когда увидѣлъ красивую пуму, то сейчасъ же изъявилъ желаніе приобрести ее. Думаю однако, что если бы мы увезли ее на сѣверъ, то могли бы получить въ пять разъ больше, чѣмъ получили въ Розавилль.

Такъ закончилъ свой рассказъ Келли.

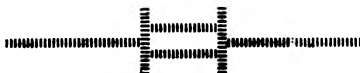
Плѣнница оказалась въ нашей власти.

ОСЕНЬ ЗОЛОТАЯ.

Мнѣ въ окошко видны всѣ дорожки сада —
Тамъ гуляетъ вѣтеръ, вѣтеръ — чародѣй,
Онъ, сорвавши листья съ липъ и винограда,
Хочетъ унести ихъ дальше отъ людей.

Въ садъ его послала осень золотая, —
Вѣтеръ у ней вѣрный, главный атаманъ, —
Чтобы нагулявшись, незамѣтно тая,
Разбудилъ въ саду онъ дремлющій туманъ.

Виталій Вячеславскій.

„ПОЛКОВНИКЪ“.

Разсказъ Нормана Уэ.

Мы подружились съ самаго начала, когда я купилъ его, отправляясь дѣлать изысканія, и увелъ въ лагерь, гнѣздившійся у подножія горъ. Изъ всѣхъ ословъ, которыхъ я видѣлъ, онъ былъ, какъ мнѣ показалось, самый умный, и мы скоро стали настоящими друзьями. Черезъ какую-нибудь недѣлю онъ полюбилъ меня и, завидѣвъ издали, привѣтствовалъ радостнымъ крикомъ, а я бралъ его бѣлую мордочку въ руки, ласкалъ ее, поглаживалъ одно изъ его длинныхъ ушей, шепталъ ласковыя слова. И мы отлично понимали другъ друга. Въ первый же вечеръ послѣ того, какъ я купилъ ослика, заплативъ за него одиннадцать долларовъ (мексиканскихъ), я его окрестилъ «Полковникомъ».

— Ты будешь отзываться на это имя, да? — сказала я ему, когда онъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ я готовлю свиную грудинку и яйца. И мнѣ показалось, что онъ отвѣтилъ: «Да, конечно.» Онъ вошелъ въ домъ и сталъ ѣсть муку, бобы, рисъ и сушенныя сливы, которыя были приготовлены для вьюка. Я не помѣшалъ ему лакомиться и съ удивленіемъ слушалъ, какъ онъ фыркаетъ. На слѣдующій день, навьючивая на него грузъ, я рѣшилъ взять съ собою побольше сахара, думая, что это послужитъ цементомъ, который свяжетъ нашу дружбу.

Но вьюкъ оказался слишкомъ великъ. Онъ терпѣливо ждалъ, чтобы я нагрузилъ его, и критически наблюдалъ, какъ я поднимаю на него разные горные инструменты; потомъ въ знакъ неудовольствія «Полковникъ» надулъ бока и легъ.

— Что такое съ тобой? — спросилъ я; онъ не отвѣтилъ.

Многіе упаковщики за это бьютъ своихъ лошадей и ословъ ногами между ребрами; я же не сдѣлалъ ничего подобнаго. Внутреннее уваженіе къ «Полковнику» удержало меня. Я подошелъ къ нему и разрѣзалъ веревку, а онъ, вставъ, показалъ, что не сердится. И нагружая его снова, я понялъ, что мнѣ слѣдуетъ уменьшить его вьюкъ. Я сбросилъ мѣшокъ муки; потомъ снова обвязалъ тюкъ веревкой; онъ слегка встряхнулся, точно

желая убѣдиться, хорошо ли лежитъ грузъ, и, наостривъ уши, посмотрѣлъ на меня. Я понялъ, что онъ хотѣлъ сказать: «Все въ порядкѣ; я могу нести эту тяжесть.»

Надо сказать, что въ тѣ времена мнѣ жилось нелегко; казалось, счастье совсѣмъ отвернулось отъ меня, а потому не въ веселомъ расположеніи духа шелъ я съ своимъ осликомъ черезъ избитый вѣтромъ холмъ, къ ущелью, по которому намъ предстояло подниматься. Въ умѣ у меня звучали голоса несносныхъ кредиторовъ, вспомнились слезы моихъ родныхъ, терпѣвшихъ жестокую нужду въ одномъ изъ восточныхъ штатовъ; эти мысли и воспоминанія больше пригибали меня къ землѣ, чѣмъ мучной мѣшокъ и ружье, давившіе мнѣ плечи. Я поставилъ послѣднюю карту, и моимъ товарищемъ былъ только мой другъ «Полковникъ». Скоро мы сошли съ торной дороги и двинулись по старой заброшенной тропинкѣ, такой неудобной, такой крутой, какихъ, кажется, я, всю жизнь проживавшій въ горахъ, еще не видывалъ. Мѣстами она была такъ узка и бѣжала по краямъ такихъ отвѣсныхъ скалъ, что человекъ могъ смотрѣть внизъ и представить себѣ, какъ онъ будетъ падать съ утеса на утесъ туда, къ большимъ пикамъ. И вотъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ мы обходили острый мысъ, тропинка, по которой мы шли, сдѣлалась очень узка; «Полковникъ» остановился. Я прошелъ впередъ, чтобы посмотрѣть, не предупредила ли его та чудесная способность, которую большинство людей называютъ инстинктомъ, а я считаю особаго рода разсужденіемъ объ опасности. Ничего подобнаго! За угломъ дорога была шире и вполне гладка. Тогда я, разсерженный, повернулся къ нему, но тотчасъ понялъ причину его тревоги.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ намъ приходилось сдѣлать поворотъ, низко висѣла далеко выдававшаяся скала. Грузъ «Полковника» былъ такъ высокъ, что попытайся оселъ сдѣлать поворотъ, вьюкъ зацѣпился бы за скалу, и осликъ свалился бы Богъ вѣсть съ какой высоты.

— Ты правъ, «Полковникъ», — сказалъ я, подходя къ нему и отстегивая веревку, которая охватывала грузъ. Послѣ этого случая мое уваженіе къ «Полковнику» еще возросло.

Черезъ нѣсколько дней мы пришли къ мѣсту, гдѣ порода казалась подходящей. Время отъ времени замѣчая «богатый кварцъ» и другіе признаки, по которымъ мы, люди бродящіе въ горахъ, умѣемъ читать, какъ по книгѣ, я отыскала мѣсто, гдѣ бѣжалъ ручей, а величавыя старыя деревья бросали уютную тѣнь. Я остановился и разбилъ палатку. Черезъ недѣлю я нашелъ указанія, сказавшія мнѣ, что можно начать копать. Все кругомъ было благопріятно. Чувствовалось, что гдѣ-то поблизости находится мѣсто, въ которомъ я могъ отыскать то, чего искалъ долгіе годы. Я говорилъ объ этомъ моему «Полковнику», и, казалось, онъ слушалъ меня, понималъ, соглашался со мной.

Я построилъ себѣ хижинку. Увѣряю, я никогда не испытывалъ большаго удовольствія. Я принадлежу къ числу людей, любящихъ свой домъ, и только несчастія заставили меня начать бродячую жизнь. Но что объ этомъ говорить! Мой домъ я устраивалъ для продолжительнаго житья, и «Полковникъ» приходилъ и наблюдалъ за работой.

— Слишкомъ высоко, — казалось, сказалъ онъ мнѣ, когда я устранивалъ полку для провизіи.

— Ты хочешь, чтобы тебѣ было удобно доставать сахаръ, длинноухій? — отвѣтилъ я ему вслухъ.

О, мнѣ никогда не надоѣдало говорить съ нимъ.

Не могу рассказать всего, что дѣлали мы съ моимъ «Полковникомъ» въ теченіе шестимѣсячныхъ, долгихъ, бесплодныхъ поисковъ. Мы взбирались на крутизны почти къ самой границѣ лѣсной области; онъ день изо дня ходилъ по моимъ пятнамъ во время бесполезныхъ поисковъ и казался такимъ же унылымъ, какъ я. Онъ переходилъ со мной по бревнамъ, переброшеннымъ черезъ рвы, и, кажется, взобрался бы на самую вершину горы, если бы я задумалъ сдѣлать это.

Не скоро мы съ «Полковникомъ» потеряли надежду. Я знаю, что, по крайней мѣрѣ, во мнѣ она угасала постепенно, по мѣрѣ того, какъ истощалась наша провизія. Тамъ, въ поселкѣ, намъ отка-

зали въ кредитъ; никто не хотѣлъ отпустить безъ платы провизіи, хотя за это я предлагалъ многое: я предлагалъ половину всего, что найду. Надо мной только смѣялись. А дома у меня почти совершенно истощилась мука, и я три дня напрасно старался застрѣлить какую-нибудь дичь въ горахъ. Даже охотничье счастье отвернулось отъ меня, и въ ту ночь я пришелъ опечаленный. Я созналъ необходимость бросить попытки. На мой свистъ выбѣжалъ «Полковникъ», и послѣ скуднаго обѣда я, обнявъ его моими руками, долго, долго шепталъ ему на ухо о томъ, какъ мнѣ тяжело, какая безнадежность смотреть мнѣ въ глаза. Но на этотъ разъ онъ былъ такъ спокоенъ, что разсердилъ меня.

Тогда я отпустилъ его шею, онъ легъ на траву, готовый заснуть.

— О, — съ досадой сказалъ я, — ничто тебя не волнуетъ; ты можешь лечь и спать. — Я раздраженно вошелъ въ хижину, поднялся на мою койку и долго, долго думалъ о моихъ долгахъ, тосковалъ о невозможности помочь моему другу Джиму, который такъ нуждался. Только утромъ я заснулъ.

Непривычный шумъ разбудилъ меня. Я вскочилъ такъ внезапно, что ударился головой о койку, устроенную для гостей надъ моей собственной. Солнце стояло высоко; благодаря его свѣту, я ясно видѣлъ все. Въ хижинѣ были «Полковникъ» и спокойно доѣдалъ остатки моего драгоценнаго хлѣба. Подлѣ меня лежала палка. Я такъ разсердился, что не могъ сдержаться, схватилъ ее и, въ первый разъ съ начала нашей дружбы, изо всей силы ударилъ осла. Онъ бросился отъ меня, я гонялся за нимъ. Задними ногами онъ свалилъ мою переносную печку, разбилъ стулъ, который я сдѣлалъ съ такимъ трудомъ, наконецъ выскочилъ изъ дверей. На большомъ разстояніи отъ моего дома онъ остановился, и мнѣ показалось, что онъ удивленъ и оскорбленъ. Я хотѣлъ подойти къ нему, извиниться, но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ онъ высоко взметнулъ задними ногами, чтобы показать мнѣ свое презрѣніе, и убѣжалъ въ лѣсъ. Я звалъ его, свистѣлъ, — онъ не отзывался. Въ полномъ отчаяніи я сѣлъ на порогъ хижины. Поступокъ «Полковника» отнял у меня послѣднее мужество. Лучшій другъ лишилъ меня всего, сѣлъ хлѣбъ, который

значилъ для меня больше, чѣмъ это можно выразить словами...

— Ау! — послышался крикъ снизу.

Я не сразу отвѣтилъ. Это былъ ужасный ударъ. Восемь мѣсяцевъ въ горномъ уединеніи не встрѣчалось мнѣ никого, а теперь шелъ или ѣхалъ кто-то, кого я долженъ былъ принять, угостить! Новый крикъ, зовъ по имени. Я отвѣтилъ; между кустами показался незнакомый мнѣ человѣкъ. Онъ остановилъ лошадь и крикнулъ:

— Джимъ Бринтъ поручилъ мнѣ отыскать васъ и сказать, что тамъ, на площадкѣ «Индѣйскіе Ключи», толкотня! Спѣшите, толпа изъ Серебрянаго Города бѣжитъ туда! Скачите; говорятъ, это самыя богатыя розсыпи.

Едва докончивъ фразу, онъ повернулъ лошадь и мгновенно исчезъ. Добрый Джимъ, мой единственный другъ! Если бы только у меня была лошадь! Однако «Полковникъ» могъ идти скорѣе, чѣмъ я, и я побѣжалъ за нимъ, свистѣлъ, звалъ. Но не услышалъ отвѣтнаго крика. У меня въ головѣ, какъ молнія, сверкнула мысль, что «Полковникъ», разсерженный нашей ссорой, не отвѣтитъ мнѣ, не покажется. Я цѣлый часъ потерялъ на поиски; наконецъ, побѣжалъ къ хижинѣ, закрылъ ее на ключъ и пустился въ путь. Трудный путь! Двадцать восемь миль вверхъ и внизъ по горамъ. Я берегъ силы, хотя и торопился. Я карабкался, обдирая руки, но меня поддерживала надежда.

Вотъ я дошелъ до послѣдняго поворота, и передо мной открылся видъ на мою Обѣтованную землю. Къ несчастью, плоскогоріе ожило. Цѣлый городъ палатокъ покрывалъ его. Костры и фонари сверкали на немъ. Огоньки двигались по откосамъ горъ, говоря, что люди, не успѣвшие заявить своихъ правъ на богатые участки, отправились дальше. Жители Серебрянаго Города опередили меня, меня отрѣзали отъ счастливой области; я могъ бы и не приходиться... Я бесполезно укоротилъ свою жизнь во время этой борьбы подъ безжалостнымъ солнцемъ. Медленно дотащился я до первой палатки и упалъ. Оттуда вышелъ человѣкъ, увидѣлъ меня и вынесъ бутылку съ водкой, которая оживила меня.

— Поздно, правда? — сказалъ онъ съ состраданіемъ. — Я пришелъ сюда

въ полдень, но здѣсь уже не было порядочнаго мѣста...

Онъ накормилъ меня, и я пошелъ бродить по лагерю, стараясь отыскать хоть каплю надежды, но черезъ часъ узналъ, что все бесполезно. Я вернулся въ палатку Билы Кеза, моего новаго друга, и заснулъ съ разбитымъ сердцемъ. Мнѣ снились цѣлыя слитки золота, которые мнѣ показывали, но не давали въ руки.

Весь слѣдующій день, печальный и разбитый, еле передвигая ноги, я искалъ участка, потомъ старался найти работы. Но на всемъ плоскогорьи для меня не нашлось дѣла, и неудача довела меня до отчаянія.

Вѣроятно, я не вернулся бы къ себѣ въ хижину, если бы не мысль о «Полковникѣ». Мнѣ хотѣлось еще разъ увидѣть его честные, привѣтливые глаза и увести изъ мѣста, которое мнѣ казалось проклятымъ. Я подумалъ также, какъ будетъ онъ одинокъ, если я не вернусь никогда, а потому съ горечью въ душѣ повернулся спиной къ Индѣйскимъ Ключамъ и пошелъ домой. Тяжело идти съ печальнымъ сердцемъ, съ полной безнадеежностью. Обратный путь былъ еще длиннѣе и труднѣе. Маленькій запасъ провизіи, которую далъ мнѣ Кезъ, окончился, когда я вошелъ въ чашу передъ моей хижиной.

Я оглядѣлся, отыскивая «Полковника». Засвистѣлъ. Онъ не отвѣтилъ. Новый ужасъ шевельнулся во мнѣ при мысли, что и онъ также бросилъ меня. Я медленно взобрался на верхъ выступа, гдѣ росла особенно сочная зеленая трава, зная, что онъ часто ходитъ туда пастись. И вдругъ я неожиданно натолкнулся на него. Осликъ стоялъ въ тѣни громаднаго обломка. Я обнялъ его сѣрую, милую шею, шепталъ ему на ухо добрыя слова, ласкалъ, потому что у меня былъ только онъ. «Полковникъ» стоялъ, смотря въ землю, и не отказывался отъ моей ласки. Я тоже посмотрѣлъ внизъ. Его маленькія ноги, которыми онъ билъ въ землю и копалъ люкъ, отгоняя несносныхъ мухъ, открыли площадку камня — и тамъ блеснуло золото.

Золото! Тамъ было достаточно золота, чтобы нанести на карту золотоискателя новый пунктъ! О, этого золота было довольно для меня и «Полковника» на всю жизнь...

«Кактусъ-Кэтъ»

Рассказъ Марг. Вильсонъ.

Настоящее имя ея было Екатерина Діана Харвудъ, но прозвище, данное ей одной изъ ея одноклассницъ, — «Кактусъ-Кэтъ» — больше шло къ ней. Это была высокая, тоненькая пятнадцатилѣтняя дѣвочка, съ густыми темнозолотистыми волосами и холодными сѣрыми глазами. На всякое проявленіе дружбы или ласки она отвѣчала недовѣрчивымъ взглядомъ. Взглядъ ея какъ бы кололъ, отчего Пегги Аустинъ и пришло на умъ сравнить ее съ колючимъ растеніемъ — кактусомъ.

Семья Харвудъ переселилась въ эти края годъ тому назадъ въ пору сбора абрикосовъ.

Жили Харвуды въ палаткѣ на самомъ концѣ владѣнія Аустиновъ, и вся семья работала, собирая и упаковывая абрикосы. Къ концу лѣта они заработали столько, что могли приобрести маленькій участокъ земли у Аустиновъ и построить крошечную хижинку на самомъ верху горы.

— Какъ они собираются жить тамъ и чѣмъ кормиться, я не понимаю, — говорилъ мистеръ Аустинъ.

Но какъ бы то ни было, Харвуды жили и ни у кого не просили помощи.

Къ слѣдующему лѣту у нихъ былъ огородъ, появилась масса куръ и кроликовъ; и тѣхъ, и другихъ они продавали въ городѣ. Масляничныя деревья тоже давали нѣкоторый доходъ.

Въ день открытія школы Кэтъ пришла въ старомъ голубомъ платьицѣ, но такая гордая и неприступная, что ни одна дѣвочка не посмѣла пустить

«шпильки» по адресу ея стараго платья и запыленныхъ сапогъ.

— Если бы они не были такіе высокомерные, — ворчала Пегги Аустинъ, — было бы лучше. Меня отецъ отвозитъ каждое утро къ омнибусу. Онъ предложилъ м-ру Харвуду брать съ собой и Кэти, но тотъ отвѣтилъ, что его дочь любить прогулки. Онъ былъ очень вѣжливъ, но сухъ. Она тоже на мое предложеніе записаться въ нашу группу герльскаутовъ отвѣтила отказомъ раньше, чѣмъ я окончила фразу.

— Можетъ быть, она не поняла, — сказала Анна Мертонъ, лучшая подруга Пегги.

— Такъ почему же она не переспросила?

— Екатерина Діана Харвудъ — графскаго рода, и ей не подобаетъ снисходить до задаванія вопросовъ, — важно произнесла Анна.

— Графскаго рода?! Ахъ, ты гусыня! — разсмѣялась Анита Мей.

— Я сказала графскаго, — повторила Анна, — и это такъ. Отецъ Кактусъ-Кэтъ приносилъ книгу профессору Джемсу и спрашивалъ его, не хочетъ ли онъ купить ее. Это старинная англійская книга большой цѣнности. М-ръ Харвудъ сказалъ, что эта книга его дѣда. И что вы думаете было въ ней?

— Засушенные цвѣты! — воскликнула младшая шестилѣтняя сестренка Анны, которая не одну книгу въ домѣ испортила пристрастіемъ сушить цвѣты.

— Нѣтъ, дуся моя! — засмѣялась Анна. — Тамъ были гравюры съ гербами, а внизу написано: пзъ библіотеки

Георга Харвуда, седьмого графа Донкастеръ.

— Правда?! — раздался цѣлый хоръ голосовъ.

— Правда. Я слышала, какъ профессоръ Джемсъ рассказывалъ это отцу моему вчера вечеромъ. Онъ сказалъ, что спросилъ м-ра Харвуда, кто былъ этотъ графъ Георгъ. Тотъ признался, что это его дѣдъ. Онъ не хотѣлъ говорить сначала, но потомъ объяснилъ, что, получивъ наслѣдство, онъ уѣхалъ въ Калифорнію и все потерялъ тамъ на спекуляціяхъ. Ему стыдно признаться своей семьѣ въ этомъ, и онъ предпочитаетъ лучше работать, чѣмъ просить помощи у родныхъ. Профессоръ купилъ книгу за 50 долларовъ и признался, что купилъ очень дешево.

— Надѣюсь, что они купятъ стекла для оконъ, — сказала Пегги, — а то намъ будетъ страшно холодно, когда начнутся дожди.

— А ты почему знаешь, что у нихъ нѣтъ стеколъ? Ты была тамъ? — спросила съ волненіемъ Анита Мей.

— Да. Я ходила съ отцомъ, который былъ по дѣлу у м-ра Харвуда.

— О, рассказы же скорѣй, Пегги! Какъ тамъ у нихъ устроено?

— Да ничего особеннаго. Я видѣла только снаружи. Мать Кэтъ не было, она кормила цыплятъ. М-ръ Харвудъ пошелъ съ отцомъ на гору, а Кэтъ возилась у плодовыхъ деревьевъ. Она хотѣла было пригласить меня войти, но ея братъ Деннисъ какъ-разъ вышелъ изъ дома и всталъ въ проходъ, такъ что мы не могли пройти. Онъ злился, видимо, очень, но все же снялъ шляпу и держалъ ее въ рукахъ. Видъ у него былъ такой, точно онъ говорилъ: «вы пришли сюда шпионить, но все же я, какъ графскій сынъ, снимаю шляпу передъ дѣвухой.» Онъ очень красивъ.

— Все же, какъ бы онъ ни былъ красивъ, — сказала Анна, — лучше подальше держаться отъ такихъ заносчивыхъ людей. Кактусъ-Кэтъ испортила бы все въ нашей группѣ, показывая свои колючки.

— А все же я думаю, что мы полюбили бы ее, если бы она этого пожелала, — задумчиво сказала Пегги. — Ну, да тѣмъ хуже для нея.

Такимъ образомъ Кактусъ-Кэтъ была предоставлена самой себѣ. Она училась

превосходно, съ готовностью помогала слабымъ и принимала живое участіе во всѣхъ играхъ и шалостяхъ; но какъ только кончались уроки и игры, она опять дѣлалась неприступной, гордой дѣвочкой.

— Ее нельзя назвать несимпатичной, — сказала какъ-то Анна, — наоборотъ, она мнѣ нравится. Но мы сдѣлали все, что могли съ нашей стороны. Теперь ей придется искать нашей дружбы.

Но Пегги была задумчива. Она вспомнила, что Кэтъ была мила и привѣтлива съ ней, когда она ходила къ нимъ съ отцомъ, но рѣзко измѣнилась, когда появился Деннисъ. Все дѣло было, очевидно, въ братѣ.

— Онъ, видимо, думаетъ, что мы хотимъ покровительствовать его сестрѣ. Это его большое мѣсто.

Она вспомнила, какъ посмотрѣлъ на нее Деннисъ, и ея щеки запылали отъ гнѣва.

— Ты гусыня, Пегги, если занимаешься такъ много этими Харвудами, — сказала самой себѣ Пегги.

Но Кактусъ-Кэтъ была дѣвочка, о которой думали помню воли, и въ слѣдующую же субботу Пегги очутилась въ лѣсу и глядѣла на гору, гдѣ жили Харвуды, надѣясь, что и Кэтъ выйдетъ погулять въ лѣсъ.

«Если бы я могла найти какой-нибудь хорошій предлогъ, чтобы пойти къ ней, я не побоялась бы гнѣва Денниса», думала Пегги.

И вдругъ она надумала. Блестящая идея! Она пойдетъ и попроситъ Кэтъ прочесть съ ней стихи, заданные на понедѣльникъ. Ихъ надо было читать съ выраженіемъ, чего Пегги совсѣмъ не умѣла, а Кэтъ была лучшей декламаторшей.

«Они не могутъ счесть этого за оказываніе покровительства, разъ я пойду просить помощи», говорила себѣ Пегги.

Она не стала откладывать дѣла и сейчасъ же побѣжала домой за книгой. Позвавъ Дона, свою собаку, она стала взбираться на гору. Недавно шли дожди, дорогу въ гору размыло, и Пегги предпочла взбираться между кустарниками, а затѣмъ пройти лѣсомъ. Идти было тяжело, и она пришла отдохнуть; открыла книгу и начала вслухъ читать стихи.

Вдругъ раздался громкій лай и визгъ Дона. Пегги сразу поняла, что съ со-

бакой случилось что-то. Она бросилась на визгъ, но Донъ не показывался, хотя она и звала его очень громко. Онъ отчаянно вылъ и визжалъ, какъ бы въ смертельной агоніи. Пегги подумала о гремучей змѣѣ, и дрожь ужаса охватила ее.

Наконецъ она увидала собаку. Донъ лежалъ на отвѣсѣ горы внизъ головой, и его лѣвая задняя лапа была въ капканѣ. Увидавъ Пегги, Донъ пересталъ визжать и замахалъ хвостомъ.

— Бѣдный мой! бѣдная моя собачка! — вскричала Пегги. — Лежи смиренно, я иду къ тебѣ.

Освободить Дона она все же не могла, такъ какъ капканъ былъ слишкомъ тяжелъ, и Пегги не могла его поднять. Все, что она могла сдѣлать, это втащить Дона немного выше, и этимъ спасти лапу отъ вывиха или перелома.

Безъ палки или другого какого-нибудь орудія нельзя было и думать объ освобожденіи собаки, и дѣвочки пришлось искать.

А солнце межъ тѣмъ сѣло и стало темнѣть.

Наконецъ Пегги увидала что-то вроде куска старой цѣпи. Съ радостью бросилась она къ ней, но сразу же упала, дико вскрикнувъ. Это была вторая западня, и нога Пегги попала въ нее. Ей было больно, ужасно больно. Но страшнѣе боли было безпомощное положеніе, въ которомъ она очутилась. А ночь надвигалась, и при мысли, что ей придется пробыть здѣсь до утра, Пегги пришла въ такой ужасъ, что лишилась сознанія—въ первый разъ въ жизни.

Когда она очнулась, то увидала надъ собой испуганное лицо Кактусъ-Кэть.

— Моя нога... западня...—могла только произнести Пегги.

— Боже мой, — произнесъ голосъ изъ темноты, — она попала въ западню! Ди, поддержи фонарь, пока я открою капканъ.

Это былъ Деннисъ, и черезъ секунду Пегги почувствовала облегченіе, такъ какъ ногу ея освободили. Затѣмъ Деннисъ помогъ ей сѣсть.

— Я огорченъ болѣе, чѣмъ могу высказать, — сказалъ онъ, — но я думаю, что здѣсь никогда никто не ходитъ.

Затѣмъ онъ освободилъ Дона.

Она увидала собаку.

— Какъ нога, Ди? — спросилъ онъ сестру.

— Сильный ушибъ, — отвѣтила Кэть, нѣжно глядя ногу Пегги.

— Я думаю, все хорошо теперь. Какъ глупо, что я упала въ обморокъ. Но это не отъ боли, а отъ ужаснаго чувства быть пойманной. О, — сказала Пегги съ дрожью, — зачѣмъ это дѣлаютъ?

— Я поставилъ западни, — отвѣтилъ помолчавъ Деннисъ, — такъ какъ хорьки поѣдаютъ нашихъ куръ и цыплятъ, и надо было что-нибудь предпринять.

— Но какъ вы могли даже хорьковъ заставлять такъ страдать! — воскликнула Пегги.

Она думала, что Деннисъ страшно рассердится, но вдругъ его глаза смягчились.

— Я не подумалъ объ этомъ, — тихо сказалъ онъ.

— Онъ не жестокъ, — заступилась Кэть за брата. — Мы ходили нѣсколько разъ въ день смотрѣть, не попался ли хорекъ, такъ что долго мучиться ему не пришлось бы. Но вѣдь тоже ужасно слышать крикъ куръ и цыплятъ, когда ихъ уносятъ хорекъ!

— Да, я знаю, — отвѣтила Пегги. — Мы сами виноваты съ Дономъ, что попались. Если бы шли по дорогѣ, какъ всѣ, то никакой бѣды не случилось бы. Я думаю, что могу идти теперь, если ты поможешь мнѣ встать, Кэть. — Но ступить на больную ногу Пегги не могла.

— Подождите, мы васъ понесемъ, — сказалъ Деннисъ.

Онъ и Кэть скрестили руки и, несмотря на протесты Пегги, понесли ее, какъ на стулѣ, на этихъ импровизированныхъ носилкахъ. Выйдя на дорогу, Деннисъ чуть не упалъ, споткнувшись о какой-то предметъ.

— Это книга! — съ удивленіемъ сказала онъ.

— Ахъ, это моя книга! — воскликнула Пегги. — Я уронила ее, когда побѣжала на помощь къ Дону. Я хотѣла просить тебя, Кэть, помочь мнѣ въ декламациі.

— Я съ радостью помогла бы! — просто отвѣтила Кэть.

У Пегги ускоренно забилось сердце: онъ будетъ друзьями наконецъ!...

Домикъ Харвудовъ выглядѣлъ очень уютно при зажженной лампѣ. Полъ былъ покрытъ старымъ ковромъ и хорьковыми шкурками. По обѣ стороны очага стояли полочки съ книгами, а на стѣнахъ висѣли охотничьи картинки.

Мистриссъ Харвудъ шила, сидя за столомъ у лампы, а мужъ ея читалъ газету и курилъ.

— Что это? — воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, когда его сынъ и дочь вошли въ домъ со своей ношей.

Онъ молча выслушалъ объясненіе сына, а затѣмъ вся семья принялась за оказаніе помощи Пегги.

— Запряги лошадь въ большую повозку, — сказалъ отецъ Деннису, — и вмѣстѣ съ Ди отвези миссъ Аустинъ домой. Я ужасно огорченъ, что по нашей винѣ вы попали въ такую бѣду, и очень извиняюсь передъ вами, — обратился мистеръ Харвудъ къ Пегги.

— Это я сама виновата во всемъ. Простите меня за хлопоты, которыя я вамъ причинила.

Впослѣдствіи Пегги никогда не могла забыть этой ночной поѣздки домой.

Деннисъ молчалъ, но Кэть говорила безъ конца всю дорогу.

— Почему ты не вступишь въ нашу группу герль-скаутовъ? — осмѣлилась спросить Пегги. — Мы отлично веселились бы вмѣстѣ.

Но тутъ Кэть стала сразу опять «Кактусомъ»:

— Я не могу этого, — отвѣтила она коротко. Замѣтивъ, однако, что ея тонъ укололъ Пегги, она прибавила мягче:

— Я не могу дѣлать того, что вы дѣ-

лаете за немѣнимъ средствъ, а одолжаться я не хочу.

Пегги промолчала, но потомъ вдругъ живо сказала:

— Выпустите меня здѣсь, пожалуйста-ста.

— Здѣсь? — съ изумленіемъ спросилъ Деннисъ. — Нѣтъ, конечно, мы доведемъ васъ до дому.

— Нѣтъ, — сказала гордо Пегги, — американскія дѣвочки тоже имѣютъ долю гордости. Я тоже не хочу одолжаться вамъ. Довольно и того, что вы уже сдѣлали для меня. Выпустите меня здѣсь. Я и такъ причинила вамъ много безпокойства.

— Я не понимаю.... — сказала Кэть, совершенно озадаченная.

Но Деннисъ весело расхохотался.

— И это называется одолжаться и безпокоить насъ? Мы васъ поймали въ западню, напугали чуть не до смерти. — Его тонъ сталъ дразнящимъ: — Мы зоведемъ мою сестру Ди, уменьшенное имя отъ Дианы, а у васъ вѣдь есть другое имя для нея?

Денни и Кэть скрестили руки и понесли ее.

— Вы хотите сказать... Кэть... — пропентала Пегги.

— Кактусъ-Кэть, — произнесъ со смѣхомъ Деннисъ, — не пугайтесь: Ди давно это знаетъ.

— Мы не хотѣли быть злыми, — оправдывалась Пегги. — Это было нехорошо такъ назвать ее, но каждый разъ, когда я хотѣла подружиться съ ней, она буквально колола меня своимъ видомъ.

— Я знаю, — сказала Кэтъ. — Мы были глупы съ Денни. Но у насъ было очень тяжелое время, и мы думали, что лучше намъ держаться особнякомъ. Мы перемѣнили наше мнѣніе теперь. Надѣюсь, ты забудешь, какъ мы вели себя, Пегги?

— И будете нашимъ другомъ? — прибавилъ Деннисъ.

— Если вы будете меня звать Пегги, — буду.

— Хорошо, я Денни, а она... Ди.

— А если я покажу свои колючки, то назови меня скорѣй Кактусъ-Кэтъ, чтобы напомнить, — разсмѣялась Ди.

Они доѣхали до дому Пегги и бережно передали ее родителямъ.

Съ этой ночи «Кактусъ-Кэтъ» перестала существовать, а у Пегги навсегда осталась ея лучшей подругой Ди Харвудъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЗЕМЛИ.

Очеркъ Л. Гданскаго.

Много тысячелѣтій насчитываетъ человѣческій родъ, живущій на поверхности земного шара, но во много разъ старше его Земля: мы не можемъ даже мысленно представить себѣ того громаднаго количества лѣтъ, которое протекло съ момента рожденія Земли.

Изучить подробно исторію Земли, прослѣдить всю ея жизнь, конечно, нельзя: для человѣческихъ возможностей, къ сожалѣнію, имѣются границы; но частично люди ознакомились съ исторіей своей планеты, и знакомство это простирается въглубь вѣковъ за предѣлы существованія человѣка.

Исторію эту человечество прочло въ самой земной корѣ. Изучая отдѣльные пласты ея, роая шахты, люди находили остатки существъ, населявшихъ Землю, и по нимъ ученые составляли картины животнаго и растительнаго міра давно прошедшихъ вѣковъ — страницы въ исторіи Земли.

Наука занимающаяся изученіемъ Земли, называется геологіей. Исторія Земли, раскрываемая ею, не что иное, какъ чтеніе своеобразной лѣтописи, составленной иломъ, изъ котораго образовались отдѣльные пласты земной коры.

Иль образуется дѣйствіемъ воды, увлекающей внизъ поверхностныя частички земли и камней, съ которыми вода входитъ въ соприкосновеніе; она размываетъ ихъ и потомъ осаждаетъ на днѣ.

Каждая морская волна, разбиваясь о берегъ, совершаетъ разрушительную работу. Медленно, но вѣрно удары волнъ

превращаютъ въ порошокъ самыя твердыя скалы. Образовавшійся иль переносится движеніемъ приливовъ, отливовъ и морскими теченіями въ такія области океана, гдѣ вода совершенно спокойна и гдѣ самая малѣйшая пылинка можетъ осесть на дно.

Такимъ же образомъ и рѣки переноситъ частицы суши въ море. Благодаря этому на днѣ моря образуются цѣлые пласты ила.

Пласты эти подъ вліяніемъ огромнаго давленія слеживаются и, твердѣя, становятся памятниками давнихъ временъ. Эти твердые слои мы называемъ каменными породами.

Земная кора состоитъ изъ такихъ каменныхъ слоевъ, толщина которыхъ не менѣе 50 верстъ. Каменные пласты образуются и въ наше время. Напримѣръ, мѣловыя скалы, которыя встрѣчаются на поверхности земли, въ настоящее время образуются на днѣ Атлантическаго океана.

Въ высшей степени поучительная исторія написана на этихъ камняхъ. Изъ нея мы узнаемъ, что міриады существъ жили въ морѣ, и когда они умирали, ихъ твердыя части осаждались на дно, покрывались тонкимъ иломъ и оставались затѣмъ вкравленными въ образовавшуюся каменную породу.

Въ музеяхъ мы часто встрѣчаемъ куски песчаника или известняка съ остатками этихъ животныхъ. Остатки въ такомъ видѣ называются окаменѣлостями.

Въ окаменѣлостяхъ встрѣчаются не только морскія животныя. Сухопутныя, погибая въ болотахъ или на песчаныхъ отмеляхъ рѣки, подвергались той же участи.

Однако, очень рѣдко находятъ въ каменныхъ породахъ остатки крупныхъ жиготныхъ. Они или умирали въ мѣстахъ, недоступныхъ илу, или трупы ихъ съѣдались другими животными. Кромѣ того, кости животныхъ растворяются въ водѣ, содержащей углекислоту, и исчезаютъ.

Англійскому ученому Гексли однажды прислали изъ Шотландіи нѣсколько кусковъ камня, въ которыхъ были какія-то пустоты. Когда эти пустоты наполнили гипсомъ, то получившійся слѣпокъ далъ отчетливое изображеніе позвоночнаго столба и части панцыря какого-то пресмыкающагося болѣе двѣнадцати футовъ длиною.

Гексли пояснилъ образованіе пустоты въ камнѣ: «Это пресмыкающееся умерло и было похоронено въ песокъ; песокъ постепенно отвердѣлъ надъ костями, но остался пористымъ. Сквозь поры просачивалась вода, содержащая углекислоту, которая и растворила всѣ фосфорнокислыя и углекислыя соли известня, и такимъ образомъ, кости исчезли, оставивъ только слѣды въ камнѣ».

Для того, чтобы понять, что такое окаменѣлости и какъ онѣ образовались, мы должны познакомиться съ тѣмъ, что онѣ сами говорятъ о себѣ. Наука, изучающая окаменѣлости, называется палеонтологіей, и намъ придется обратиться за справкою къ ней.

Почти всѣ ископаемые остатки растеній и животныхъ во многомъ похожи на современные, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сильно отличаются отъ нихъ. Если бы въ музеѣ, гдѣ находятся остатки животныхъ древнѣйшихъ эпохъ, были положены и части современныхъ, то вы врядъ ли отличили бы ихъ. Но зато одно бросилось бы вамъ въ глаза: части скелетовъ гигантскихъ животныхъ. Остатки эти принадлежатъ чудовищнымъ пресмыкающимся страшнаго вида и исполинскихъ размѣровъ, когда-то населявшихъ землю. Они давно перестали существовать и были совершенно не похожи на теперешнихъ животныхъ.

Этими остатками наука объ ископаемыхъ отмѣчаетъ очень интересное явле-

ніе въ исторіи жизни на землѣ. Оказывается, когда-то жизнь пыталась произвести животныхъ колоссальныхъ размѣ-

Ископаемая рыба, жившая болѣе 2.000.000 лѣтъ тому назадъ.

ровъ, пыталась производить ихъ ласточиво и неизмѣнно, но попытки эти не увѣнчались успѣхомъ: ростъ и физическое могущество гигантовъ-животныхъ не спасли ихъ отъ гибели. Достигая гигантскихъ размѣровъ, въ умственномъ отношеніи животныя эти были ничтожествами. Мозгъ ихъ былъ незначителенъ по размѣрамъ, а по закону жизни духъ неизмѣнно властвуетъ надъ тѣломъ. Сила и величина не спасли этихъ гигантовъ отъ послѣдствій глупости: они гибли массами отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ. Объ этомъ говорятъ громадныя скопленія скелетовъ, находимыхъ въ нѣкоторыхъ пластахъ. Чудовища не умѣли отличить болота отъ твердаго грунта и цѣлыми стадами вязли въ топкихъ мѣстахъ, если они попадались на ихъ пути.

Исторія развитія жизни на землѣ запечатлѣна, какъ мы говорили, въ отдѣльныхъ пластахъ земной коры.

Въ самыхъ нижнихъ пластахъ, конечно, находятся слѣды ранней жизни; тѣмъ ближе къ поверхности земли — тѣмъ ближе къ нашей и эпохи жизни, скрытыя пластами.

Положеніе этихъ пластовъ и характеръ ископаемыхъ, находимыхъ въ нихъ, лучше всего можно усвоить изъ прилагае-

мага рисунка, снабженного описаніемъ, и мы предлагаемъ читателямъ внимательно ознакомиться съ ними.

Таковъ, между прочимъ, характеръ напластованій подь Лондономъ.

Глубоко врываясь въ почву Лондона, мы прежде всего натыкаемся на слой гравія, содержащаго кости крупныхъ животныхъ: слоновъ, носороговъ и пещерныхъ медвѣдей.

Подь гравіемъ лежитъ такъ называемая лондонская глина, содержащая остатки первобытнаго скелета черепахъ, пальмъ, большихъ гигантскихъ плодовъ и панцирныхъ рыбъ.

Ниже слѣдуютъ мѣловые пласты съ остатками гигантскихъ пресмыкающихся...

Чѣмъ глубже, тѣмъ окаменѣлостей встрѣчается меньше, и формы ихъ становятся проще; наконецъ, мы подойдемъ къ такому слою, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни. Слой этотъ соответствуетъ тому времени, когда земная кора находилась въ раскаленномъ состояніи, и жизнь на ней не была возможна.

Разумѣется, мы не должны думать, что такой порядокъ пластовъ, какъ указано на рисункѣ, встрѣчается всюду. Мы можемъ встрѣтить мѣста, гдѣ пласты перемѣшаны, и гдѣ они иногда входятъ въ стоячемъ положеніи. Это — слѣды катастрофъ — землетрясеній и корабленія земной коры.

Надо помнить, что мы живемъ на огромномъ шарѣ, внутренность котораго раскалена и постепенно теряетъ свой жаръ. При охлажденіи внутреннее ядро земли сжимается, и кора ея благодаря этому коробится. Отдѣльныя напластования ихъ порядокъ.

Силы, создавшія прошлую исторію земнаго шара, перемѣщаются при этомъ, и нарули, работаютъ и въ наше время. Вода размываетъ почву и отлагаетъ иль, который сохраняетъ слѣды нашего пребывания отдаленнымъ существамъ будущаго, придущимъ на смѣну намъ.

СЛОЙ ЗЕМНОЙ КОРЫ.

Если бы мы могли вырѣзать слой земной коры, то оны имѣли бы приблизительно слѣдующій видъ: прежде всего мы нашли бы остатки животныхъ, существующихъ и въ настоящее время, и камешки ордіа первобытныхъ людей.

Потомъ мы нашли бы остатки мамонта, большого ирландскаго лося и покрытаго шерстью носорога, которые жили въ это время, когда большая часть нашей земли была покрыта огромными ледниками.

Дальше мы встрѣтили бы ископаемые кости большихъ животныхъ, зрѣль гигантскаго крокодила, а также и болѣе мелкихъ, зрѣль предка нашихъ современныхъ лошадей, жившаго миллионы лѣтъ тому назадъ.

Еще ниже — передь нами остатки огромнаго мастодонта, я тигра съ зубами, наподобіе клыковъ моржа.

Затѣмъ мы подходимъ уже къ мѣловымъ породамъ съ ихъ гигантскими пресмыкающимися, съ ихъ огромными летающими драконами и съ остатками птицъ, которая только что начали появляться въ эту эпоху, можетъ быть, три или четыре миллиона лѣтъ тому назадъ.

Дальше внизъ земная порода содержитъ остатки гигантскихъ «рыбо-лищерицъ», съ длинными щелями, какъ у змѣи; ихъ эпоху можно считать шесть или семь миллионовъ лѣтъ тому назадъ.

Затѣмъ мы спускаемся къ каменноугольной эпохѣ, съ ея остатками огромныхъ лѣсовъ, превратившихся въ уголь за пятнадцать или двадцать миллионовъ лѣтъ до насъ.

Еще ниже мы видимъ остатки рыбъ, которая существовали тогда, когда почти всѣ живыя существа жили еще въ водѣ.

Подь этимъ слоемъ мы видимъ рыбъ, первыхъ позвоночныхъ животныхъ.

Ниже встрѣчаются только различныя раковины и морскія водоросли.

И, наконецъ, въ послѣднемъ по глубинѣ слою мы видимъ лишь слѣды живыхъ существъ: ниже этого слоя лежитъ уже твердый гнейсъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВЪ ГОСТЯХЪ У ПЕЩЕРНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Тяжела и многотрудна жизнь гѣшаго туриста. Немилосердно жжетъ солнце, ноютъ подошвы, пересохъ ротъ. Все напрасно: заранѣе намѣченная программа должна быть выполнена. Зато такъ приятны бывають неожиданныя встрѣчи. Въ уютномъ, старенькомъ Литовлѣ (Чехословакія) группа русскихъ гимназистовъ неожиданно остановилась передъ витриной съ темнокоричневымъ черепомъ: Глубокія глазныя впадины. Отъ какой-то тяжелой думы на лбу толстый наплывъ. Могучая челюсть иронически улыбалась неожиданнымъ гостямъ. Кругомъ разложены остатки несложнаго хозяйства: камни, кости, черенки. Намъ рассказали, что это какой-то иностранецъ, безъ паспорта и визъ пробравшійся въ расположенныя невдалекѣ пещеры 50 тысячъ лѣтъ тому назадъ. Безъ преній рѣшили туда отправиться.

Въ четырехъ километрахъ отъ города, на краю маленькой деревни, глубоко подъ землею притаились огромные провалы. Кругомъ — поля, перелѣски, овраги. Здѣсь-то и жилъ нашъ новый знакомый. Объ этомъ забыли все и дали деревенькѣ самое неподходящее названіе — Младечъ. Пещеры открыты недавно. Люди не успѣли испортить ихъ цементомъ, искусственными коридорами. Посѣтители пока ограничились варварскимъ обламываніемъ сталактитовъ. Спускъ утомителенъ: холодно, подъ ногами плещется вода, но черезъ 10—15 минутъ все мелкія неприятности забываются.

Подземное царство, напоминающее лунные ландшафты, захватываетъ и увлекаетъ. Куда ни взглянешь — рядъ могучихъ сводовъ. Глыбы разноцвѣтнаго гранита висятъ, стоятъ, причудливо рассыпались по сторонамъ. Отдѣлка — песчаникъ и известнякъ. Наплывы, сталактитовые узоры, кружева и панно дѣлають эти провалы и палаты то сказочно-легкими, то суровыми и страшными. Наконецъ, первый «этажъ» конченъ. Спустились ниже.

Поворотъ направо, — и проводникъ освѣщаетъ низкіе, закопченные своды.

Прямо — рядъ почернѣвшихъ сталактитовыхъ обломковъ, вбитыхъ въ землю. Въ углу плоскій каменный «столъ». Напротивъ ряды плитъ. Вотъ здѣсь-то родился, жилъ и умеръ нашъ общій дѣдушка. Умѣлъ разводигъ огонь, дробилъ кости животныхъ каменнымъ топоромъ. Что-то еще дѣлалъ на своемъ прочномъ столѣ. Своихъ близкихъ заботливо хоронилъ подъ рядами плитъ. Все это было давно, давно. Природа не полѣнилась украсить его кладбище высокими, изящными сталагмитами. Самому молодому изъ нихъ, по словамъ специалистовъ, 50 тысячъ лѣтъ, а онъ родился только на слѣдующій день послѣ похоронъ послѣдняго изъ погребенныхъ здѣсь. Дальше опять своды, провалы и проходы. Только въ одномъ еще мѣстѣ въ пещерахъ найдены кости. Это — большая комната, выше и красивѣе первой, съ удобными нишами. Здѣсь благодушествовала семья огромнаго пещернаго медвѣдя. Какъ жили эти соеѣды? Ссорились, наступали другъ другу при встрѣчахъ на ногу? Мы не знаемъ. Сейчасъ они мирно лежать рядомъ въ музей.

Причудливая и въ то же время суровая природа не ограничилась предоставленіемъ бесплатныхъ квартиръ для этихъ представителей живого міра, — она неутомимо работала здѣсь тысячи лѣтъ, чтобы поразить и теперешняго избалованнаго человѣка. Еще небольшой спускъ, — и мы въ роскошномъ, залитомъ электричествомъ, подземномъ храмѣ. Высокіе гранитные своды, зеленые, голубые, коричневые, то задрапированные бѣлоснѣжнымъ каменнымъ кружевомъ, то расписанные причудливыми рисунками. Это дѣйствительно храмъ, самый старый изъ существующихъ. Возвращались длинными, полутемными щелями. Было мрачно и мокро. Наверху насъ ласково встрѣтили солнышко, и мы отъ души пожалѣли такъ глубоко прятавшихся отъ него людей.

Валерій Левитскій.

кустахъ на трупъ. Тѣло было еще совершенно теплое, и работнику показалось даже, что Кедрикъ дышитъ еще. Онъ бросилъ прутья и побѣжалъ скорѣе на ферму звать на помощь.

Парень, должно быть, много разъ повторилъ свой рассказъ. Онъ почти заучилъ его и охотно повторялъ все сначала, если кто-либо изъявлялъ желаніе слушать. Онъ, должно быть, немного гордился даже своей ролью и, рассказывая, выпячивалъ грудь, точно красуясь собой.

Впрочемъ, изъ числа любопытныхъ, окружавшихъ его, многіе завидовали ему: не каждому удается найти трупъ въ лѣсу и сразу пріобрѣсти популярность. А изъ эресбургской молодежи три четверти жаждали популярности, но не имѣя случая проявить себя, изнывали въ мракѣ неизвѣстности и безславія.

Пріятели съ интересомъ выслушали рассказъ работника. Они прикинулись ничего не знающими и пустились даже въ разспросы. Вдругъ Микко ощутилъ, что его ухо попало въ тиски, и отъ боли слезы навернулись на глаза. Онъ не имѣлъ возможности увидѣть, кто поймалъ его, но понялъ, что это отецъ, и покорно вышелъ изъ толпы, влекомый такимъ страннымъ образомъ,

— Тебя только не хватало здѣсь, скверный поросенокъ! — сказалъ отецъ, отпуская свою жертву. — Маршъ сейчасъ же домой! Я его искалъ столько времени, а онъ вотъ гдѣ путается.

И лоцманъ Валто, при смѣхѣ любопытныхъ, наградилъ сына чувствительнымъ пинкомъ пониже спины, сообщивъ ему такимъ образомъ направление къ городу.

— Маршъ!

Друтихъ побудителей не нужно было. Микко, съ горящими щеками и болью въ мочкѣ уха, по-

старался убраться съ глазъ свирѣлаго родителя. Пріятели послѣдовали за нимъ.

Х.

Вѣсть объ убійствѣ успѣла распространиться по всему городу. Половина населенія поспѣшила къ мѣсту происшествія, и дѣти, по пути къ городу, ежеминутно наталкивались на кучки любопытныхъ, слѣдившихъ къ фермѣ Кеммера. Въ городѣ остались лишь женщины да дѣти, неспособныя совершить прогулки черезъ островъ. У всѣхъ домовъ образовались цѣлые митинги, обсуждавшіе событіе, а мальчишки (поменьше) бѣгали съ факелами изъ соломы по улицамъ. Это былъ обычный способъ оповѣщать населеніе о выдающихся событіяхъ, и примѣнялся онъ главнымъ образомъ ночью, но ребята не считались съ этимъ и носились съ огнемъ, благо матери ихъ были заняты обсужденіемъ ужаснаго случая.

Тетокъ Викъ засталъ дома. У нихъ сидѣла старуха Іогансонъ, и, конечно, бесѣда вертѣлась на событіи, взволновавшемъ умы и нарушившемъ мирное теченіе жизни городка. Женщины казались потрясенными, и опять суровая Клара была взволнована такъ, точно событіе касалось непосредственно ея.

На Вика почти не обратили вниманія. Марта только полюбопытствовала узнать, гдѣ онъ пропалъ, и навела Вика на блестящую мысль сказать, что онъ вмѣстѣ съ другими ходилъ къ фермѣ Кеммера. Сейчасъ же мальчикъ сталъ центромъ, на которомъ скрестились всѣ взоры.

— Ну, что тамъ слышно? Не нашли убійцу? — спросила старуха Іогансонъ.

При словѣ «убійца» Клара вздрогнула. Викъ прочелъ муку въ ея глазахъ.

— Нѣтъ пока, — отвѣтилъ мальчикъ. — Я не ходилъ смотрѣть туда...

— Господи Иисусе! Ну, еще бы! — въ ужасѣ воскликнула Марта. — Ты бы меня лишилъ покоя, если бы сказалъ противное.

— На убитыхъ смотрѣть неприятно, и мы не пошли, — замѣтилъ Викъ, — но другіе пошли туда. Тамъ теперь судья и Іерсъ Хенсенъ, и всѣ...

— Господи, я вся дрожу, — прервала его Марта, дѣйствительно дрожащими руками наливая племяннику молоко. — Я не могу успокоиться — какое ужасное дѣло! Что за страшный человѣкъ могъ совершить его...

Старуха Іогансонъ сочувственно покачала головой:

— Да, да, мадамъ Марта, я думаю, это сдѣлалъ тоть морякъ, знаете, который появился у насъ въ воскресенье. О, я еще въ церкви замѣтила, что у него взглядъ убійцы.

Лицо Клары болѣзненно помрачилось. Она не произнесла ни слова, но видно было, что душа ея страдаетъ. Викъ въ душѣ сочувствовалъ ей: быть связанной какой-то тайной съ убійцей чего-нибудь да стоило. Онъ самъ чувствовалъ себя нехорошо, но вѣдь онъ былъ мужчина, а мужчинѣ всегда по плечу то, чего не вынести женщинѣ. Несомнѣнно, тетка Клара должна была страдать отъ этого. Но что за тайна могла связывать Бена Гунна съ теткой Кларой, что могло быть общаго между ними? Викъ тщетно ломалъ надъ этимъ голову, въ то время какъ Марта и старуха Іогансонъ пустились высказывать другъ другу рядъ предположеній относительно мотивовъ убійства.

Клара молча прислушивалась къ нимъ. Она старалась сохранить суровый, спокойный видъ, но это плохо удавалось. Душа ея была чѣмъ-то смятена, и испугъ, и страданіе проглядывали въ глазахъ. И, несмотря на то, что предметъ разговора былъ ей не по душѣ, Клара не уходила наверхъ: должно быть, одиночество въ этотъ вечеръ ей было не по сердцу.

Послѣ ужина Викъ взялъ свѣчу и поднялся къ себѣ. Подъ впечатлѣніемъ всего испытаннаго за день, мальчику было жутко. Онъ плотно закрылъ дверь въ свою комнату и со свѣчей въ рукахъ обозрѣлъ всѣ ея уголки. Потомъ торопливо скинулъ кожаные штаны и съ головой юркнулъ подъ одѣяло.

Сонъ не приходилъ. Подъ шерстянымъ толстымъ одѣяломъ было душно, и скоро вся сорочка Вика стала влажной отъ пота. Почти задыхаясь, онъ высунулъ голову изъ-подъ одѣяла и обомлѣлъ: дверь въ комнату открывалась. Подъ одѣяломъ мальчикъ не слышалъ шаговъ и стука дверной ручки. Онъ невольно вскрикнулъ и готовъ былъ въ смертельномъ страхѣ снова забиться подъ одѣяло, но узналъ темное платье тетки Клары и немного успокоился.

Клара никогда не заходила въ комнату племянника. Вѣрная своимъ принципамъ, она совершенно не вмѣшивалась въ его жизнь, и Викъ былъ крайне пораженъ, когда въ открытую дверь проникла сухощавая фигура тетки съ подсвѣчникомъ въ рукахъ.

— Я стучала, Викъ, — сурово вымолвила она, — ты спалъ?

Викъ неудобно было сознаться, что онъ лежалъ, забившись съ головой подъ одѣяло. Онъ промолчалъ, тараща удивленные глаза на тетку.

Она подошла къ кровати и сѣла на стулъ, предварительно брезгливо скинувъ съ него кожаные штаны Вика.

— Не тарашь на меня глаза, — сказала тетка, опуская на колѣни подсвѣчникъ съ горящей свѣчой, — я этого не терплю. И затѣмъ, пожалуйста, не вздумай фамиллярничать, благодаря тому, что я удостоила тебя нѣкоторымъ порученіемъ: я всегда сумѣю поставить тебя на мѣсто — предупреждаю. А теперь — говори!

Она глядѣла на Вика, сложивъ губы въ неприступную строгую мину. Несмотря на только что высказанное запрещеніе «тарашить» глаза, Викъ выпучилъ ихъ какъ филинъ.

— Говорить, что? — воскликнулъ онъ вскакивая.

— Лежи! — жестомъ остановила его тетка, — и не забывай о приличіяхъ. Мальчику незачѣмъ нагишомъ вскакивать изъ постели... Говори: ты видѣлъ его?

Викъ понялъ, о комъ шла рѣчь. Глаза смотрѣли такъ пронизательно, что ему даже не пришло въ голову врать.

— Кедрика? — переспросилъ онъ. — Видѣлъ.

— Онъ живъ?

— Нѣтъ. Былъ совсѣмъ холодный.

Лицо Клары поблѣднѣло. Губы задрожали. Она однако пересилила слабость и спросила твердо:

— Я знаю, что за ужиномъ ты лгалъ. Мнѣ и не думай лгать. Скажи, кого подозрѣваютъ въ убійствѣ?

— Бена Гунна.

Она опять вздрогнула.

— И это правда?

Вопросъ былъ заданъ такъ, точно Вика присутствовалъ при убійствѣ и могъ сразу разрѣшить

всѣ сомнѣнія. Визъ вспомнилъ о кровавомъ пятнѣ на платкѣ моряка и сказалъ, запинаясь:

— Не знаю, тетя... Но... думаю, что онъ.

Клара не шевельнула даже пальцемъ. Взглядъ ея сталъ совершенно инквизиторскимъ.

— Почему ты это думаешь? Ты видѣлъ Бена Гунна послѣ... убійства? (Она съ трудомъ, но все-таки твердо выговорила это слово.)

Визъ кивнулъ головой и началъ рассказывать, какъ они натолкнулись на трупъ, а потомъ встрѣтили моряка.

Клара внимательно выслушала рассказъ и дважды переспросила относительно слѣдовъ крови на Бенѣ Гуннѣ. Лицо ея при этомъ выражало глубокое отвращеніе и душевную боль. Покончивъ съ разспросами, она кивнула головой, какъ бы разрѣшивъ всѣ свои сомнѣнія, и поднялась со стула.

— Я думаю, тебѣ лучше не говорить Мартѣ обо всемъ этомъ, — холодно сказала она. — А теперь спи.

И круто повернувшись, суровая особа пошла къ двери. Въ нихъ она столкнулась лицомъ къ лицу съ сестрой. Марта, по обыкновенію, поднялась наверхъ передъ сномъ, чтобы посмотрѣть на спящаго любимца, ощупать его голову заботливой рукой и благословить на ночь. Она была поражена, увидѣвъ сестру. Однако добрая ея душа рѣшила, что Клара посѣтила Вика съ той же цѣлью, съ которой и она сама поднялась наверхъ. Это умилило ее.

— Ахъ, я рада, Клара, — начала было она, кротко улыбаясь, но сестра сурово оборвала ее:

— Нечего тутъ радоваться, Марта.

— Но ты къ Визу...

— Не тарашь на меня глаза, — сказала тетка, опуская на колѣни подсвѣчникъ съ горящей свѣчой.

— Я не терплю мальчишек! — была рѣзкій отвѣтъ, и суровая тетка скрылась въ коридорѣ.

Но Маргу этимъ трудно было смутить. Какъ всё простодушныя существа, она считала себя дальновидной и лукаво улыбнулась:

— Ну, меня не обманешь! Я знаю твою суровость: сверху ледь, а внутри — огонь... Я такъ рада, что она полюбила мальчика... А, ты еще не спишь, пострѣль? Это нехорошо, Викъ, мой милый. Мальчики твоего возраста должны сразу засыпать... У тебя ничего не болитъ?

Вика сильно развлекло это двойное посѣщеніе. Правда, смутно, сквозь сонъ, онъ ежедневно чувствовалъ скорѣе, чѣмъ видѣлъ посѣщенія Марты. Но сегодня это было похоже на королевскій пріемъ приближенныхъ.

— Мнѣ не спится, тетушка, — улыбнулся онъ лукаво, — но я скоро усну — честное слово. Нѣтъ, я совсѣмъ здоровъ, увѣряю тебя...

Но коричневая мягкая рука все-таки оцупала его лобъ, щеки, прикоснулась къ ушамъ и даже забралась подъ сорочку на грудь.

Ну, хорошо, спи спокойно, Господь съ тобой! — сказала успокоенная старушка.

Она любовнымъ взглядомъ окинула мальчика, перекрестила его и хотѣла уйти, но остановилась. Нога ея запуталась въ чемъ-то на полу. Старушка наклонилась и подняла злополучныя кожаныя панталоны. Она ихъ повѣсила на спинку кровати, а сама сѣла на стулъ.

— Ай, ай, какъ ты небрежно обращаешься со своими вещами, — ласково пожурила она и потомъ, вспомнивъ что-то, сдѣлала вдругъ огорченное лицо.

— Да, да, Викъ... Сегодня ты огорчилъ меня... очень огорчилъ.

Викъ безпокойно задвигался подь одѣяломъ.

— Да, Викъ, мадамъ Валто сказала, что ты не былъ въ школѣ. Гдѣ же ты былъ?

Она подождала отвѣта. Но покраснѣвшій мальчикъ отвелъ глаза въ сторону и молчалъ.

— Викъ (голосъ старушки дрогнулъ), я такъ люблю тебя, а ты... огорчилъ меня... Никогда бы я не думала, что ты способенъ обмануть меня и уйти гулять вмѣсто школы...

Викъ чувствовалъ на себѣ укоризненный, полный искренняго огорченія, взглядъ тетки, и душа его заняла. Онъ закусилъ губу, чувствуя себя самымъ отвратительнымъ человѣкомъ въ мѣрѣ. Таковой же показала въ эту минуту и тетка Клара, ради которой онъ не пошелъ въ школу. Викъ, осторожно передвигаясь въ постели, добрался до тетки, изливавшей потокъ горькихъ упрековъ и жалобъ, тиранившихъ сердце, и обнялъ ее. Это было самое вѣрное средство заключить миръ. Минуту спустя плакали оба: Викъ отъ огорченія, а добрая старушка отъ умиленія мягкосердечностью своего племянника. Мальчикъ клялся, что больше никогда не продѣлаетъ такой штуки. Тетка Марта, крѣпко обнявъ любимца, слушала его, наслаждаясь этими увѣреніями, точно райской музыкой. Она, положимъ, знала, что клятвы далеко не долговѣчны, но была довольна и этимъ.

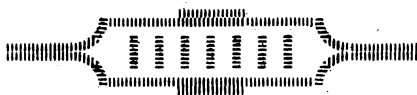
— Все хорошо, Викъ, — сказала она въ заключеніе, — и я не сержусь больше и не буду огорчаться. Сегодня, признаться, я даже была не прочь наказать тебя, да ты во-время убѣждалъ... Ну, а что скажетъ завтра господинъ Аннусъ?

Викъ улыбнулся сквозь слезы. Разговоръ господина Аннуса ясно рисовался передъ нимъ въ видѣ увѣсистаго пучка прутьевъ.

— Тебѣ, вѣрно, очень попадетъ? — уже тономъ безпокойства заговорила старушка. — Я слышала кое-что объ этомъ ужасномъ пучкѣ лозняка... Ахъ, Викъ, ты не жалѣешь себя... Ужъ не пойти ли мнѣ завтра къ господину Аннусу попросить за тебя?

Но одна мысль объ этомъ вызвала со стороны Вика горячій протестъ.

— О, нѣтъ, милая тетя, ради Бога, не надо! — почти испуганно воскликнулъ онъ. — Ты не думай, что это что-нибудь стоитъ — пара ударовъ... И потомъ это ничуть не больно, право-же несколько не больно... А еще, — потупясь добавилъ мальчикъ, — я вѣдь и заслужилъ это...

ГЛАВА V.

Въ сѣромъ домикѣ непріятности.

¶

Убийство Кедрика было событіемъ, нарушившимъ мирное теченіе жизни городка. Нѣсколько дней умы горожанъ находились въ сильномъ возбужденіи, и обыденныя занятія какъ-то не клеились. Тѣло Кедрика перевезли въ городъ ночью, но, несмотря на это, все населеніе города оказалось налицо. Печальную процессію встрѣтили съ факелами, и настроеніе толпы при этомъ было далеко не миролюбиво: попадись сейчасъ Бенъ Гуннъ — ему бы не одобровать.

Слѣдствіе выяснило виновность моряка. На мѣстѣ преступленія найдена была короткая обгорѣлая деревянная трубка, изображавшая голову негра. Такой трубки не имѣлось ни у кого изъ жителей острова. Лоцманы, въ памятное воскресеніе сидѣвшіе въ трактирѣ Силька, вспомнили, что видѣли такую трубку у Бена Гунна, и признали ее за собственность моряка. Лоцманъ Андрусонъ даже указалъ на отмѣтину, которую онъ запомнилъ, разглядывая тогда интересную трубку. Этого было достаточно. Кромѣ того цѣлый рядъ свидѣтелей показалъ, что видѣлъ Бена Гунна въ обществѣ злополучнаго Кедрика наканунѣ убійства. Одинъ горожанинъ далъ даже болѣе вѣскую улику: въ ночь, когда пропала изъ гавани шлюпка, задержанная

таможенниками, онъ видѣлъ въ морѣ лодку. Судя по размѣрамъ, это была именно та самая лодка. Она, повидимому, огибала островъ съ сѣверной стороны, и въ ней сидѣло двое людей. Свидѣтель, заинтересованный лодкой, навелъ на нее подзорную трубу (луна свѣтила очень ярко) и узналъ длиннаго Кедрика, сидѣвшаго за рулемъ. На веслахъ былъ незнакомый человѣкъ, лицо котораго различить было нельзя; онъ замѣтилъ только какую-то шаль или платокъ, развѣвавшійся на шеѣ незнакомца.

По всему острову начались розыски. Обошли облавой Мышиную гору и лѣсную чащу. Перетрясли Вѣдьминъ домъ и обшарили всѣ овраги. Бенъ Гуннъ исчезъ. Кое-какіе слѣды его пребыванія остались въ Вѣдьминомъ домѣ, да въ бухтѣ у ручья, неподалеку отъ дома Вейзе, нашли слѣды недавней стоянки лодки. Было рѣшено, что убійца бѣжалъ съ острова, и слѣдствіе на этомъ приостановилось.

На жизни сѣраго домика потрясающее событіе отразилось нѣсколько больше, чѣмъ на другихъ домахъ. Викъ томился желаніемъ обогатить слѣдствіе собственными уликами, а Клара была нервно потрясена и находилась въ состояніи какой-то тихой паники. Ей трудно было сохранять спокойствіе, и Викъ не разъ замѣчалъ, какъ вадрагивала тетка и прислущивалась ни съ того, ни съ сего, точно ожидая, что сейчасъ должно произойти нѣчто ужасное.

Марта была поражена убійствомъ и напугана до того, что ей чудились убійцы въ каждомъ темномъ углу дома.

Недѣли двѣ прошли въ непрерывныхъ толкахъ объ убійствѣ, но, наконецъ, о немъ стали забывать

понемногу. Бенъ Гуннъ безслѣдно пропалъ, и только имя его жило въ населеніи, превращаясь въ синонимъ звѣрства и отверженности. Воспитаніе воспользовалось имъ, какъ средствомъ внушенія, и долгое время мальчуганы городка слышали отъ своихъ родителей:

— Ишь, какой Бенъ Гуннъ растеть.

Или :

— Я изъ тебя вышибу Бена Гунна — будь покоенъ, негодай ты этакій...

Два воскресенія почтенный пасторъ Магнусъ пользовался убійствомъ, какъ темой для проповѣдей. Это оживило слегка богослуженіе, и прихожане не безъ интереса слушали своего духовника. Но потомъ и пастору надоѣло пережевывать одно и то же. Онъ увлекся идеей Страшнаго Суда, и въ третье воскресеніе паства мирно дремала, пока онъ развертывалъ передъ нею потрясающую картину Суда, а затѣмъ мученія адовы. Все успокоилось, все вошло въ свои берега, и только свѣжая могила на старомъ кладбищѣ напоминала о несчастной участи Кедрика. Смерть его не была утратой для острова, и лоцманы, а также таможенники на островѣ Дога даже вздохнули свободно, избавившись, наконецъ, отъ этого безпокойнаго элемента.

Только одна маленькая старушка облеклась въ глубокой трауръ, и ея черная фигура по воскресеніямъ являлась въ церкви какъ бы живымъ скорбнымъ упрекомъ населенію за его равнодушіе къ ближнему своему. Это была мать Кедрика.

II.

Холодный сѣверный вѣтеръ въ нѣсколько дней сорвалъ пожелтѣвшій лѣтній уборъ съ деревьевъ, и островъ Эрбосъ сталъ сѣрымъ, однотон-

нымъ, — гряда скалъ, брошенныхъ въ море. Свинцовыя облака, клубясь и сбиваясь въ тучи, поползли съ сѣвера, то брызгая холоднымъ мелкимъ дождемъ, то пересыпая снѣжную крупу и крутя ее по опустѣвшимъ улицамъ Эресбурга. Море катило темныя волны, увѣнчанныя сѣдой пѣной, и глухо лязгало ими о молъ и прибрежныя скалы, а по ночамъ разыгрывались бури, и тогда островъ дрожалъ и гудѣлъ подъ напоромъ массы водъ, бѣшено обрушивавшихся на него. Сигнальные огни по вечерамъ зажигались на лоцманской вышкѣ и иногда горѣли круглыя сутки. Съ моря вѣяло тревогой, и нерѣдко ночной ревъ бури прорывалъ пушечный выстрѣлъ — громкій назойливый зовъ на помощь. Для лоцмановъ наступила пора опасной работы. Въ бурю, днемъ и ночью, пускались вельботы навстрѣчу судамъ, требующимъ лоцмана, и съ берега было страшно смотрѣть на небольшое суденышко, нырявшее между пѣнными массами воды.

Жизнь городка какъ бы замерла, ушла внутрь домовъ, и на улицахъ видны были только пѣшеходы, которыхъ необходимость заставляла покидать теплую комнату. Даже мальчишки попрятались. Кожаные штаны и парусиновыя куртки вышли изъ употребленія: суконное толстое платье и башмаки съ грубой подошвой выползли на свѣтъ изъ нѣдръ сундуковъ, гдѣ почивали лѣто, пересыпанные сухой травой «пачули». Въ школѣ стоялъ острый одуряющій запахъ отъ всѣхъ этихъ куртокъ и панталонъ — точно на сѣновалѣ, куда сбросили стогъ высушенной пачули.

Теперь Викъ и друзья его аккуратно посѣщали школу. Всѣ занимались довольно сносно, и господину Аннусу рѣдко приходилось пускаться въ ходъ свой знаменитый пучокъ.

Однажды во время урока географіи, когда учитель чертилъ на доскѣ мѣломъ карту Африки и рассказывалъ о туземныхъ племенахъ, населяющихъ ее, Викъ почувствовалъ вдругъ тяжесть въ головѣ. Точно кровь прилила къ ней со звономъ, и на секунду краснымъ свѣтомъ освѣтилась класная доска и длинноносое лицо учителя. Точно сверкнула красная молнія и исчезла.

Викъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на окно. Но оно качнулось въ стѣнѣ, и все въ комнатѣ пришло въ колебаніе. Это кружилась голова, становясь все тяжелѣе... Мальчикъ почувствовалъ жаръ.

— Что это? — сказалъ онъ Микко, — жарко...

Пріятель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на раскраснѣвшееся лицо Вика, на его глаза, горѣвшіе страннымъ огонькомъ, и спросилъ:

— Тебѣ худо?

Викъ покачалъ головой.

— Нѣтъ. Немножко голова кружится.

Чуткое ухо господина Аннуса уловило посторонніе звуки, а зоркій глазъ сразу же извлекъ виновниковъ безпорядка.

— Викъ Дуловъ! Микко Валто! Къ доскѣ! — позвалъ онъ.

Друзья вышли изъ-за парты. Викъ почувствовалъ колебаніе пола подъ ногами. Собственные шаги глухимъ звономъ отдавались въ головѣ.

Учитель собирался прочесть нотацію, а можетъ быть и болѣе энергично воздѣйствовать на виновниковъ безпорядка. Онъ открылъ было ротъ, но взглянулъ на Вика, и сразу же лицо его измѣнилось.

— Э, что съ тобой, мальчикъ?

— Голова кружится, — отвѣтилъ Викъ и почувствовалъ вдругъ страшную апатію ко всему вокругъ. Не хотѣлось даже говорить.

— Ты боленъ, — сказалъ Аннусъ, щупая его голову. — У тебя лихорадка. Тебѣ нужно домой... Идти ты можешь?

Но Викъ почувствовалъ себя точно пьянымъ. Все вокругъ колебалось, и двигаться онъ не былъ въ состояніи.

Аннусу не впервые было сталкиваться съ подобными казусами. Онъ поддержалъ мальчика и усадилъ его въ собственное кресло. Потомъ позвалъ сторожа.

— Иоганнъ, — сказалъ онъ, — нужно довести до дому Вика. Крѣпче поддерживай его.

Мрачный стражъ стукнулъ деревянной ногой объ полъ и въ то время, какъ любопытные и испуганные ученики перешоптывались, кивая головой въ сторону Вика, раздобылъ его шляпу.

— Ну, идемъ, паренекъ! — сказалъ онъ, нахлобучивая шапку на глаза мальчику.

Викъ съ трудомъ поднялся и поплелся, поддерживаемый рукой Иоганна. На улицѣ отъ вѣтра ему стало холодно такъ, что зубы застучали. Онъ почувствовалъ себя еще болѣе слабымъ и упалъ бы, если бы не рука Иоганна, крѣпко державшая его.

— Эге... ге... — сказалъ мрачный челоуѣкъ, останавливаясь, — такъ мы не дойдемъ... Это будетъ вѣрнѣе.

И, подхвативъ Вика на руки, сторожъ понесъ его черезъ площадь, постукивая деревяшкой по обмерзлымъ камнямъ мостовой.

III.

Марта была занята приготовленіемъ обѣда. Хотя Эльза и прекрасно справлялась со стряпней, но старушка обычно наблюдала за всѣмъ ходомъ

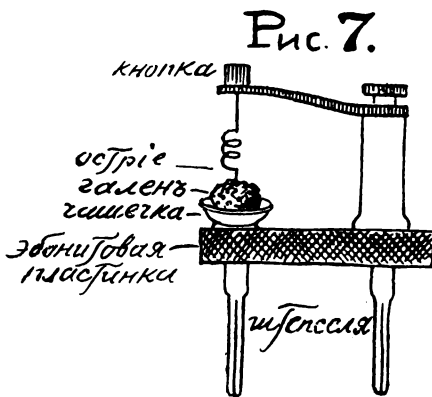
РАДИО.

Какъ построить простой радіопріемникъ-детекторъ?

Окончаніе.

3. Детекторъ.

Лучше всего купить готовый детекторъ: онъ и долговѣчнѣе самодѣльнаго и обращаться съ нимъ удобнѣе. Такой детекторъ бываетъ самой разнообразной формы; въ большинствѣ же случаевъ состоитъ онъ изъ изолирующей эбонитовой пластинки, къ нижней сторонѣ которой придѣланы 2 штенселя; надъ однимъ изъ нихъ находится металлическая чашечка со впаяннымъ кристалломъ (галеномъ) или же галенъ держится на винтикахъ; надъ другимъ штенселемъ возвышается металлическій столбикъ съ придѣланнымъ къ нему рычагомъ, на концѣ котораго находится металлическое остріе. Рычагъ устроенъ такъ, что остріемъ можно касаться любой точки галена (рис. 7).

Повторяю: лучше всего купить готовый приборъ. Для тѣхъ же, кто тѣмъ не менѣе пожелаетъ самъ построить себѣ детекторъ, могу дать слѣдующее указаніе:

Матеріаломъ могутъ служить: 1) кусокъ напки, потолще, длиною въ 4 см., шириною въ 2 см., его предварительно слѣдуетъ продержать минутъ 5 въ растопленномъ парафинѣ; 2) крышка отъ узкой стеклянной трубочки (напр., изъ пеньки пилуль); она и внутри, и снаружи

должна быть совершенно чистой, безъ ржавчины; 3) покушпой галенъ; его никогда не слѣдуетъ трогать пальцами, т. к. на нихъ всегда находится жиръ, а жиръ, распространяясь по поверхности кристалла, дѣлаетъ его нечувствительнымъ; 4) нѣсколько кусочковъ металла Вуда (продается въ магазинахъ, торгующихъ радіопріемниками); 5) кусокъ антеннаго канатика длиною въ 10—15 см.; 6) кусокъ мѣдной (одиночной) проволоки въ 10—15 см. длиною.

Прежде всего берутъ крышку щипцами и, положивъ туда нѣсколько кусочковъ Вудова металла, нагрѣваютъ ее надъ любымъ пламенемъ (хотя бы отъ свѣчи); какъ только металлъ расплавится, нужно прекратить нагрѣваніе и опустить въ чашку загнутый конецъ мѣдной проволоки (одиночной) и кристаллъ (замѣтьте: отъ слишкомъ высокой температуры кристаллъ портится). Послѣ остыванія кристаллъ и проволока должны крѣпко пристать ко дну крышки.

Затѣмъ слѣдуетъ вырѣзать въ напкѣ отверстие такой формы и величины, чтобы крышка въ ней держалась; а свободный конецъ проволоки продѣваютъ черезъ маленькое отверстие на нижнюю сторону напки.

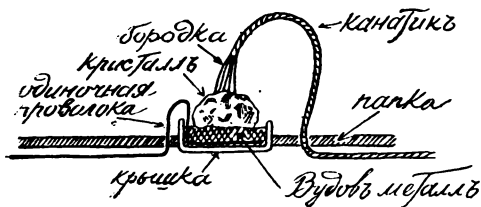
Антенный канатикъ нужно по всей его длинѣ туго скрутить плоскозубцами за исключеніемъ одного его конца, гдѣ оставляютъ незакрученную «бородку» въ $\frac{1}{2}$ см. длиною. Закрученный конецъ продѣваютъ черезъ новое отверстие въ напкѣ внизъ, а свободной части канатика придаютъ форму буквы «Г», обращенной въ сторону крышки, потому что ее загибаютъ такъ, чтобы бородака касалась кристалла.

Получается приборъ слѣдующаго вида: (рис. 8).

4. Телефонъ.

Это самая дорогая часть всего нашего приѣмника, т. к. самому приготовить хорошей телефонъ весьма трудно.

Рис. 8.

5. Сборка частей.

Обратите еще раз внимание на планъ приемника, а затѣмъ разсмотрите слѣдующій рисунокъ (9).

Стрѣлки обозначаютъ направление электрическаго тока: изъ антенны одна часть его идетъ въ катушку, оттуда черезъ ползунокъ въ землю; другая вѣтвь направляется къ детектору, проходитъ сначала черезъ одну, потомъ черезъ другую раковину телефона (проводъ въ телефонъ вездѣ двойной, хотя онъ большею частью окруженъ общей оболочкой) и уходитъ также въ землю.

Кромѣ уже описанныхъ частей прибора на рисунокѣ видны еще 3 зажима (одинъ изъ нихъ общій для антенны, катушки и детектора, 2 для телефона) и 2 вилы для штепселей детектора.

Чтобы части прибора оставались въ связи между собою, ихъ нужно прикрѣпить къ дощечкѣ (отъ ящика изъ-подъ сигаръ), къ четыремъ угламъ которой приклеены ножки, чтобы металлическія части прибора не касались стола.

Для провода между катушкой, детекторомъ и телефономъ нужно брать изолированную проволоку, часть которой можно провести подъ доской (она на рисунокѣ обозначена пунктирной линіей).

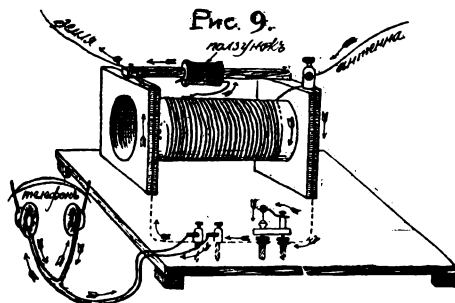
6. Земля.

Лучшей «землей» оказывается водопроводъ. Тщательно очистивъ шкуркой латунный кранъ, привязываютъ къ нему конецъ проволоки (мѣдной, неизолированной), а лучше всего, припаяваютъ его. Затѣмъ проводятъ проволоку (можно прямо по стѣнамъ, не изолируя ея) въ ту комнату, гдѣ будетъ стоять приемникъ, и прикрѣпляютъ другой ея конецъ къ катушкѣ, какъ указано на рисунокѣ.

Гдѣ нѣтъ водопровода, можно воспользоваться газовой или водосточной тру-

бой — если она не служитъ уже антенной. Или же вырываютъ яму, настолько глубокую, чтобы появилась грунтовая вода, и опускаютъ въ нее желѣзный листъ или просто банку отъ консервовъ, принявъ къ нимъ проволоку (загнѣйте, это не та же банка, о которой говорилось выше, но по поводу антенны). Если вблизи дома имѣется колодезь, прудъ или канава, то въ нихъ можно также опустить упомянутую банку.

Отъ земли въ высокой степени зависитъ качество приѣма: плохая земля мо-

жетъ совершенно уничтожить его. Поэтому слѣдуетъ обратить особое вниманіе на хорошее заземленіе.

III. Установка и постройка приемника.

Проводъ отъ антенны до приемника долженъ быть по возможности короткій; поэтому устанавливаютъ аппаратъ на столѣ рядомъ съ окномъ (если у васъ антенна вѣшная) или въ томъ мѣстѣ, гдѣ свѣшивается конецъ комнатной антенны.

Присоединивъ къ аппарату землю и антенну и включивъ телефонъ, ставятъ острие детектора на галенъ и передвигаютъ ползунокъ вправо и влево, пока не находятъ то его положеніе, въ которомъ работа станціи будетъ громче всего слышна. Если приѣмъ все еще слабъ, то нужно нащупать остриемъ детектора точку наибольшей силы звука.

IV. Причины неудачъ.

Работа станціи слышна слабо или даже совсѣмъ не слышна. Въ такомъ случаѣ проверьте, всѣ ли контакты въ исправности, и если у васъ антенна вѣшная, не забыли ли вы ее включить?

Можетъ быть, ползунокъ стоитъ на такой точкѣ, гдѣ не вполне стерся изолирующій лакъ проволоки. Не отстала

ли припайка галена или заземление? Не испортился ли вашъ галень? Черезъ 2—3 мѣсяца число «гѣмыхъ» точекъ галена увеличивается настолько, что найти звучащую точку становится мучениемъ, и можно вконецъ потерять всякій интересъ къ радіо; въ такомъ случаѣ галень слѣдуетъ замѣнить новымъ. Когда аппаратъ не работаетъ, нужно всякій разъ выключать приемникъ, заземлить антенну, или же — при компактной антеннѣ — снявъ остріе детектора

съ галена; эта предосторожность значительно увеличиваетъ долговѣчность кристалла.

Не отчаивайтесь, если съ перваго раза у васъ будутъ неудачи: передѣлайте антенну, отыщите лучшее заземление и т. д. Если же все у васъ будетъ въ исправности, то приемникъ долженъ работать!

Итакъ — желаемъ вамъ хорошаго приема!

Э. Виттенбургъ.

Кіевъ — мать городовъ русскихъ.

Картинка были.

Яркое утреннее солнце играло тысячами переливовъ на широкой водной поверхности Днѣпра; оно бросало причудливыя тѣни отъ множества темныхъ и ярко разукрашенныхъ лодокъ, тихо двигавшихся по водной шире.

Въ ладьяхъ сидѣли варяги съ новгородскими и другими сѣверо-русскими дружинами.

Первая ладья была богато украшена. Носовая часть ея, далеко выдававшаяся надъ водой, изображала какое-то чудовище въ видѣ дракона съ разинутою пастью, а корма — чешуйчатую спираль огромнаго змѣйнаго хвоста. Высокій деревянный настилъ, съ перилами надъ палубой, тоже носилъ сходство съ чешуйчатой спиной чудовища; а весла, дружно опускаемая въ воду и такъ же дружно вскидываемая на воздухъ двѣнадцатю гребцами, напоминали собой растопыренные крылья дракона.

На возвышеніи видѣлись двѣ человѣческія фигуры: пожилой мужчина въ богатой одеждѣ иноземнаго «гостя» и мальчикъ, лѣтъ пяти-шести, въ бѣлой атласной, шитой золотомъ и шелками, рубашкѣ съ прямымъ воротомъ, въ малиновыхъ широкихъ шароварахъ, забранныхъ въ красныя сафьяновые сапожки. Русую курчавую головку мальчика при-

крывала соболья шапочка съ малиновымъ верхомъ, а съ открытой бѣлой шеи спадало на грудь сплетенное изъ тонкихъ кованыхъ нитей золотое ожерелье съ «гривной».

— А далече еще, дядя Олегушко, до Кіева? — спросилъ мальчикъ.

— А недалече, Игорюшко княжичъ, — былъ отвѣтъ.

— А что мы тамъ дѣлать будемъ въ Кіевѣ?

— Княжить да володѣть, князюшко.

— Какъ въ Новѣгородѣ?

— Какъ въ Новѣгородѣ, князюшко.

— Ты мнѣ подаришь коня?

— Подарю печенѣжскаго скакуна.

Вдругъ что-то яркое прорѣзало потемнѣвшія, косматыя массы клубящихся облаковъ и глухо загрохотало.

Мальчикъ бросился къ Олегу и прижался къ его колѣнямъ.

— Охъ, уйдемъ, уйдемъ! Перунъ сидится.

— Ничего, князюшко, — не бойся.

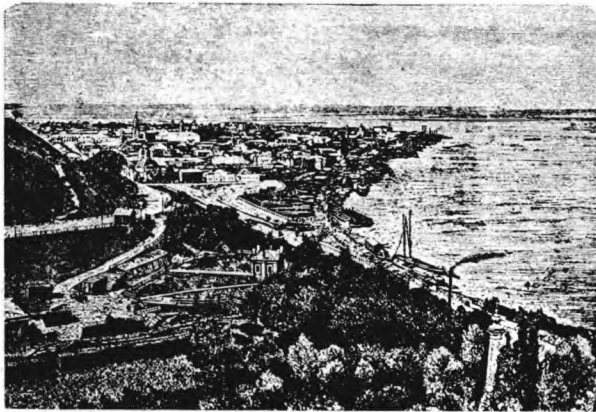
Слѣдующій ударъ былъ такъ оглушительнъ, что даже невозмутимый Олегъ схватился за голову.

— И вправду осерчалъ Перунъ, — замѣтилъ Олегъ, торопливо уводя растерявшагося мальчика подъ «чердакъ» ладьи, въ помѣщеніе, богато убранный ков-

рами и болгарскою тисненою золотомъ юфтью.

Буря скоро улеглась.

Солнце засіяло еще привѣтливѣ. Днѣпръ, зеленія взгорья и рощи освѣтились. Солнечныя улыбки запрыгали по волнамъ.

Кіевъ.

Не доѣзжая Кіева, флотилія остановилась. Олегъ приказалъ дружинамъ на время укрыться со своими ладьями за зеленымъ боромъ, а затѣмъ, по данному сигналу, выйти на берегъ. Олегъ, съ двумя наиболѣе богатыми людьми и ближайшими дружинниками, двинулся къ городу.

Небольшой, но хорошо обстроенный городокъ красиво раскидывался по полу-горью. Земляной валъ охватывалъ городъ со всѣхъ сторонъ. Видѣлись клѣти богатыхъ полянъ со скворешнями и голубятнями. Видѣлись также башни съ прозорами и отверстиями для бойницъ.

Отъ города доносилось пѣніе мужскихъ голосовъ, а за ними чередовались женскіе и дѣтскіе.

То кіяне творили игрище на берегу Днѣпра у воды, недалеко отъ статуи Перуна. Жрецы-кудесники въ бѣлыхъ одеждахъ и съ бѣлыми бородами приносили идолу кровавыя жертвы.

На головахъ кіянокъ нестрѣло поле цвѣтовъ, особенно васильковъ и маку, барвинковъ и руты; одежда ихъ состояла изъ сорочки или лоскутьевъ грубыхъ цвѣтныхъ тканей, обмотанныхъ вокругъ стана.

Юный Игорь, услышавъ пѣніе, забылъ

свой недавній страхъ и умолялъ опекуна:

— Дядюшка! Олегушка! пусти меня на игрище!

— Нѣтъ, князюшко, тебѣ неподобаеть играть съ дѣтми смердовъ: ты, Игорюшко, великій князь,—отвѣчалъ Олегъ, лаская мальчика.

— Я не хочу княземъ быть, не буду!

— Ты ужъ и такъ великій князь.

— А ты кто?

— И я князь — сижу на «столѣ» въ Новѣгородѣ.

— А я на какомъ «столѣ» сидѣть буду?

— На кіевскомъ.

— Ахъ, дядя, я не хочу.

— Почто, князюшко? — улынулся Олегъ.

— Скушно на «столѣ» все сидѣть... Я играть хочу на игрищѣ!

Въ это время великокняжеская ладья бросивъ якорь, остановилась недалеко отъ берега. Олегъ отправилъ дружинниковъ и «отроковъ» въ городъ просить Аскольда и Дира пожаловать къ нему въ ладью: пріѣхали де изъ Новгорода «гости» съ поклономъ отъ великаго князя Олега съ дорогими заморскими подарками. — какіе де подарки угодно будетъ ихъ милостямъ выбрать.

Неустрашимые варяги, которые незадолго передъ этимъ навели ужасъ на Царьградъ, вошли въ ожидавшую ихъ ладью. Своимъ дружинникамъ Аскольдъ и Диръ велѣли дожидаться на берегу. Съ почетомъ проводили ихъ въ помѣщеніе, гдѣ находился Олегъ съ маленькимъ Игоремъ. Послѣдній возсѣдалъ на великокняжескомъ «столѣ» — на украшен-

номъ кованымъ золотомъ и золотыми кистями возвышеніи, а на груди ребенка висѣла золотая великокняжеская гривна. Самъ Олегъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ, но на болѣе низкомъ сидѣніи.

Увидавъ вмѣсто «гостя» Олега, Аскольдъ и Диръ остановились въ смущеніи.

— Добро пожаловать, — проговорилъ Олегъ.

— Челомъ бьемъ господину великому князю, — отвѣчали пришедшіе, низко кланяясь.

— Кіевомъ и всею кіевскою землею? — спросилъ Олегъ.

Пришедшіе не знали, что отвѣтить.

— Кому вы челомъ бьете? — снова спросилъ Олегъ.

— Тебѣ, княже.

— Вонъ кому бейте челомъ! — и Олегъ указалъ на Игоря.

Аскольдъ и Диръ поклонились.

— Кіевомъ бьете челомъ своему господину и великому князю? — допытывался Олегъ.

— Кіевомъ, княже.

— А развѣ онъ вашъ? — суровымъ голосомъ спросилъ Олегъ. — Я отпустилъ васъ изъ Новгорода съ дружиною на море промышлять надъ чужими городами, а вы, съ соромомъ ушедъ изъ-подъ Царьграда, стали промышлять надъ русскими городами, — и то вамъ вина! почему вы своею волею Кіевъ взяли?

— Мы его добыли копьемъ! — гордо отвѣчалъ Аскольдъ.

— Мы ради кіевской земли утерли немало пота, — добавилъ Диръ.

Олегъ быстро выпрямился.

— Утерли пота! а почему вы на столь кіевскій сѣли?

Голубые, холодные, какъ сталь, глаза зловѣще сверкнули.

— Вы не князи, ни княжья рода... Вотъ вашъ князь!

И онъ снова указалъ на Игоря, безпечно игравшаго гривной.

— Колите ихъ!

Въ тотъ же моментъ стоявшіе позади Аскольда и Дира дружинники Олега пронзили ихъ мечами.

— Ой-ой! не бейте ихъ, не бейте! — съ ужасомъ закричалъ маленькій Игорь и закрылъ лицо руками.

Съ берега все еще доносилось пѣніе.

Великокняжескую ладью вытащили изъ воды и съ торжествомъ несли въ городъ могучія плечи варяговъ и новгородцевъ. Ладья плавно двигалась въ воздухѣ. Ее окружала сомкнутая цѣпь дружинниковъ и отроковъ съ мечами наголо.

Весь Кіевъ высыпалъ на берегъ встрѣчать невиданное шествіе.

Кто-то замѣчаетъ:

— А какая ладья! Это не ладья, а Змѣй Горынычъ!

Вдругъ на ладѣ распахнулись на обѣ стороны полы палатки, и народу представилось ужасное зрѣлище.

Въ палаткѣ, съ роскошнаго возвышенія глядитъ блѣдное, испуганное личико прелестнаго ребенка съ золотою гривною на груди, а въ ногахъ его, у ступеней трона, лежатъ два трупа.

Съ ужасомъ народъ узналъ въ нихъ князей своихъ Аскольда и Дира.

Рядомъ съ мальчикомъ стоялъ Олегъ въ княжескомъ одѣяннѣ.

Онъ взялъ мальчика за руку и торжественно произнесъ:

— Вотъ князь вашъ — великій князь Игорь Рюриковичъ!

Затѣмъ, обратясь къ воинамъ и указывая на трупы Аскольда и Дира, приказалъ:

— Унесите ихъ и похороните съ честью: они были хоробрые воины, хоть и преступили волю княжью.

— Отнынѣ Кіевъ будетъ матерью городовъ русскихъ, — обращаясь къ дружинѣ и толпѣ народа, сказалъ Олегъ и поклонился Перуну.

И. А. КРЫЛОВЪ.

(Род. 2 февраля 1708 г., ум. 9 ноября 1844 г.)

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Въ горькой нуждѣ прошло дѣтство знаменитаго баснописца. Сынъ бѣднаго армейскаго офицера, Крыловъ, хотя и родился въ Москвѣ, но отецъ его былъ переведенъ въ Оренбургъ, и здѣсь-то, на глухой окраинѣ Россіи, проживалъ мальчикъ до 8 лѣтъ безъ всякаго правительнаго воспитанія.

По усмирени Пугачева отецъ перешелъ въ статскую службу въ Тверь, въ губернской магистратъ, но въ 1779 году умеръ, самъ первоначально обучивъ сына и оставивъ его одиннадцати лѣтъ съ матерью безъ всякихъ средствъ.

Мать, женщина добрая и съ сильнымъ характеромъ, билась изо всѣхъ силъ, даже читала по покойникамъ, чтобы какъ-нибудь прокормить семейство. Сынъ съ жадностью набросился на чтеніе оставшихся по смерти отца кое-какихъ книгъ и изъ милости ходилъ учиться французскому языку въ домъ предсѣдателя казенной палаты.

На четырнадцатомъ году Крыловъ поступилъ писцомъ въ калязинскій уѣздный судъ, а потомъ — въ тверской магистратъ, гдѣ видѣлъ немало горя. Часто прислушивался онъ на Волгѣ, на

портомойняхъ*). къ разговорамъ прачекъ, бродилъ по базарамъ, качелямъ и кулачнымъ боямъ, и познакомился съ народнымъ языкомъ, поговорками и розсказнями, которые такъ пригодились ему впоследствии въ басняхъ.

15 лѣтъ Крыловъ поѣхалъ съ матерью въ Петербургъ хлопотать о пенсіи за службу отца и опять опредѣлился писцомъ въ казенную палату на 25 руб. ассигнаціями въ годъ жалованья. Промаявшись съ сыномъ въ столицѣ пять лѣтъ, мать Крылова умерла.

Не разъ мѣнялъ И. А. службу, дополняя урывками скудное образованіе, занимаясь и литературой, но безъ особаго успѣха; приобрѣлъ въ завѣдываніе типографію, написалъ нѣсколько пьесъ для театра и даже издавалъ, по образцу Новикова, сатирическіе журналы; служилъ учителемъ въ провинціи, въ барскомъ домѣ князя Голицына, — словомъ, переиспыталъ и перевидалъ очень много. На настоящую свою дорогу баснописца выпелъ онъ только 37 лѣтъ, въ 1805 г., ободренный писателемъ Дмитриевымъ, которому принесъ на просмотръ три басни, переведенныя съ французскаго (баснописца Лафонтена).

Извѣстность Крылова начинается только съ 1809 года, когда вышли въ свѣтъ отдѣльной книжкой 23 его басни. Всѣ нарасхватъ читали ихъ, искали знакомства съ авторомъ и приглашали его, какъ прекраснаго чтеца, въ знатные дома. Басни слѣдуютъ одна за другой, и Крылова выбираютъ даже въ члены Россійской Академіи, а въ 1812 г. опредѣляютъ на службу въ Публичную бібліотеку, гдѣ онъ служилъ и прожилъ непрерывно до самой смерти на казенной квартирѣ тридцать два года.

Басни, вызванныя событіями двѣнадцатаго года («Волкъ на псарнѣ», «Ворона и курица» и др.), дѣлаютъ его извѣстнымъ императору Александру I и Маріи Феодоровнѣ; ему назначается отъ двора пенсія, и онъ вступаетъ въ кругъ

*) Портомойни — неподвижные плоты у берега, съ которыхъ полощутъ въ водѣ бѣлье.

придворныхъ поэтовъ и писателей, какъ Жуковский, Карамзинъ и др. Съ этого времени онъ часто появляется въ Павловскѣ и Зимнемъ дворцѣ, въ качествѣ чтеца и увеселителя высочайшихъ особъ, принимая участіе въ устройствѣ придворныхъ маскарадовъ и праздниковъ.

Тихо и мирно, въ довольствѣ и славѣ протекаетъ съ этого времени его жизнь одинокаго холостяка, въ кругу высшаго общества и немногихъ литературныхъ друзей. Въ 1838 г. онъ, первый изъ русскихъ писателей, удостоился торжественнаго чествованія пятидесятилѣтія своей писательской дѣятельности, и, по приказанію императора Николая Павловича, была выбита въ честь его даже медаль. 9 ноября 1844 г. Крыловъ скончался, 76 лѣтъ, и съ большими почестями погребенъ въ Александрово-Невской лаврѣ, а въ 1856 г. поставленъ дѣдушкѣ въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду, работы знаменитаго скульптора барона Клодта, прекрасный памятникъ съ изображеніемъ животныхъ изъ басенъ писателя.

Съ 1805 года по 1844, слѣдовательно, почти въ сорокъ лѣтъ, всего написано Крыловымъ до двухсотъ басенъ, т. е. среднимъ числомъ басенъ по пяти въ годъ. Конечно, при такомъ большомъ талантѣ, какой отъ природы былъ у Крылова, при досугѣ и благоприятныхъ условіяхъ, въ конхъ онъ писалъ, можно пожалѣть, что онъ писалъ такъ мало; но маленькая книжка его басенъ поставила его на ряду съ величайшими русскими писателями.

Басня, небольшой шуточный замысловатый рассказъ, гдѣ иносказательно (аллегорически) подъ видомъ животныхъ (Лиса, Волкъ, Осель), растений (Дубъ, Василекъ), предметовъ неодушевленныхъ (Голикъ, Мѣшокъ, Бочка), а иног-

да и людей (Мужикъ, Вельможа, Скупой) дается какое-нибудь полезное нравоученіе (мораль), происхожденіе свое ведетъ изъ глубокой древности, изъ Индіи.

Въ этой странѣ и донныя существуетъ вѣрованіе, будто по смерти человѣка душа его переселяется въ разныхъ животныхъ, и даже въ растенія, и ходитъ много рассказовъ о животныхъ и деревьяхъ; но тамъ эти рассказы слушаются, какъ священные, и имъ вѣрятъ, какъ мы вѣримъ въ священное преданіе. Нравоучительный и условный, иносказательный характеръ эти рассказы приняли уже гораздо позже, въ Греціи, у перваго баснописца Эзопа, но его басни сухи и скучны. Обработалъ впервые басню въ шуточный рассказъ въ 17-омъ в. французскій писатель Лафонтенъ; у насъ въ подражаніе ему писали басни Хемницеръ и Дмитриевъ, но лучше всѣхъ ихъ писалъ Крыловъ.

У Крылова басни обратились совсѣмъ въ живой прекрасный рассказъ не только шуточный, но подчасъ и грустный, наводящий читателя на размышленіе, всегда занимательный и интересный. Но всего важнѣе въ басняхъ Крылова, это — народный русскій языкъ и изображеніе въ образахъ русскихъ людей, ихъ нравовъ, понятій, пороковъ и достоинствъ, и притомъ представленныхъ съ великой любовью къ своей родинѣ, такъ что по этимъ баснямъ мы съ дѣтства учимся знать и любить русскаго человѣка.

Такимъ простымъ народнымъ языкомъ до Крылова не писалъ у насъ никто, точно такъ же, какъ и никто не изображалъ настоящей русской жизни, простонародной, съ ея простой житейской мудростью. Въ баснѣ Крылова и взрослый, и ребенокъ прежде всего находятъ наслажденіе, удовольствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ незамѣтно и великую пользу, знакомясь съ родной жизнью и получая доброе поученіе.

ФОТОГРАФЪ - ЛЮБИТЕЛЬ.

Позитивный процессъ.

Негативъ, это — клише, позволяющее намъ печатать позитивы, то-есть дѣйствительныя изображенія сфотографированныхъ предметовъ.

Позитивъ, такъ же, какъ и негативъ, получается дѣйствіемъ свѣта.

Для полученія его нужно подвергнуть освѣщенію сквозь негативъ свѣточувствительную бумагу.

Этотъ процессъ можетъ выполняться двумя способами:

1) **Контактное печатаніе**, когда свѣточувствительный слой бумаги непосредственно соприкасается съ негативомъ.

2) **Проекціонное печатаніе**, когда негативъ помѣщается на разстояніи отъ свѣточувствительной бумаги, и лучи свѣта пропускаются сквозь него, т. е. негативное изображеніе проектируется на бумагу.

Печатаніе можетъ быть **видимымъ**, когда изображеніе вызывается на бумагѣ непосредственно дѣйствіемъ свѣта, и **невидимымъ**, когда нужно **проявлять** это изображеніе послѣ освѣщенія бумаги черезъ негативъ, подобно проявленію негатива.

Тотъ или иной способъ печатанія зависитъ отъ свойства свѣточувствительнаго слоя бумаги. Для **видимаго печатанія** употребляется хлоро-серебряная бумага, для **невидимаго** — бромо-серебряная.

При видимомъ печатаніи примѣняется дневной свѣтъ, при чемъ ходъ процесса контролируется наблюденіемъ за выявленіемъ на бумагѣ изображенія. Когда изображеніе достигло желаемой четкости, его закрѣпляютъ, помѣщая въ ванну съ виражъ-фиксажемъ.

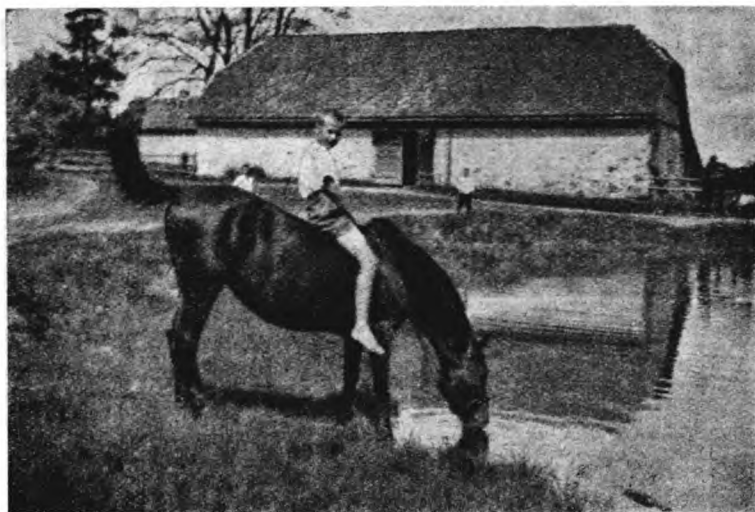
Каждый сортъ бумаги имѣетъ свои

Фотографическая выставка журнала „Юный Читатель“.

Березы. Фото-картина С. Игнатъева.

Фотографическая выставка журн. „Юный Читатель“.

На водопой

Фот. Андр. Фе.

особый свойства и нуждается въ особомъ виражъ-фиксажѣ. Указанія относительно этого даются фабриками и прилагаются къ каждому пакету выпускаемой ими бумаги.

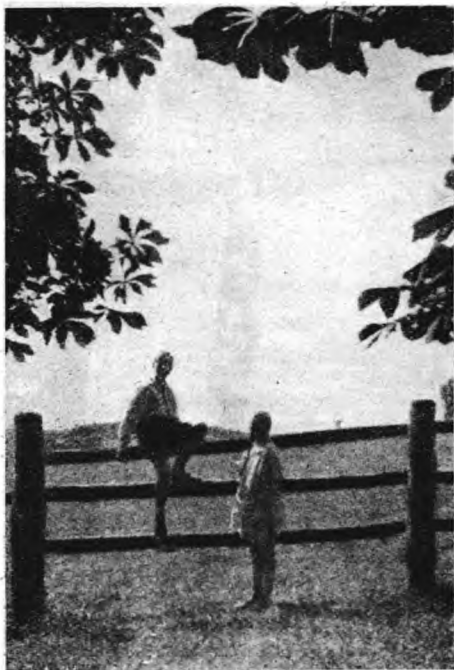
При невидимомъ печатаніи пользуются сильнымъ искусственнымъ свѣтомъ (электрическимъ). Весь процессъ работы схожъ съ процессомъ получения негатива, и его мы коснемся въ слѣдующемъ номерѣ.

І. Борисъ.

Художественная свѣтопись.

(Къ выставкѣ работъ фот.-любителей).

Фотографическая выставка журнала „Юный Читатель“.

У забора.

Фот. Андр. Фе.

Открывая отдѣлъ «Фотографъ-любитель», мы говорили о значеніи свѣтописи и подчеркивали, что свѣтопись — такое же искусство, какъ живопись, и что въ свѣтописи можно добиться поистинѣ художественныхъ результатовъ.

Исторія свѣтописи, — несмотря на то, что свѣтопись очень юное искусство, — занесла на свои страницы нѣсколько славныхъ именъ.

Мы упоминали когда-то имя Гирслей-Гинтона, англійскаго художника-свѣтописца, работавшаго камерой безъ объектива. Этотъ художникъ-свѣтописецъ оставилъ потомству рядъ прекрасныхъ фото-картинъ.

Гирслей-Гинтонъ былъ не единственнымъ художникомъ-свѣтописцемъ. Свѣтописецъ-художникъ Кюнъ внесъ въ свѣтопись новое — свободное направленіе; вмѣсто рабской передачи снимаемаго, онъ началъ выявлять художественную индивидуальность, передавать настроеніе и создалъ много картинъ. Особенно извѣстна его свѣтописная картина «Сказаніе объ Изольдѣ», купленная Дрезденскимъ музеемъ.

Гирслей-Гинтонъ и Кюнъ подали при-

мѣръ, за который особенно горячо ухватились русскіе свѣтописцы, въ короткое время обогнавшіе своихъ учителей, поставивъ на высоту искусство свѣтописи.

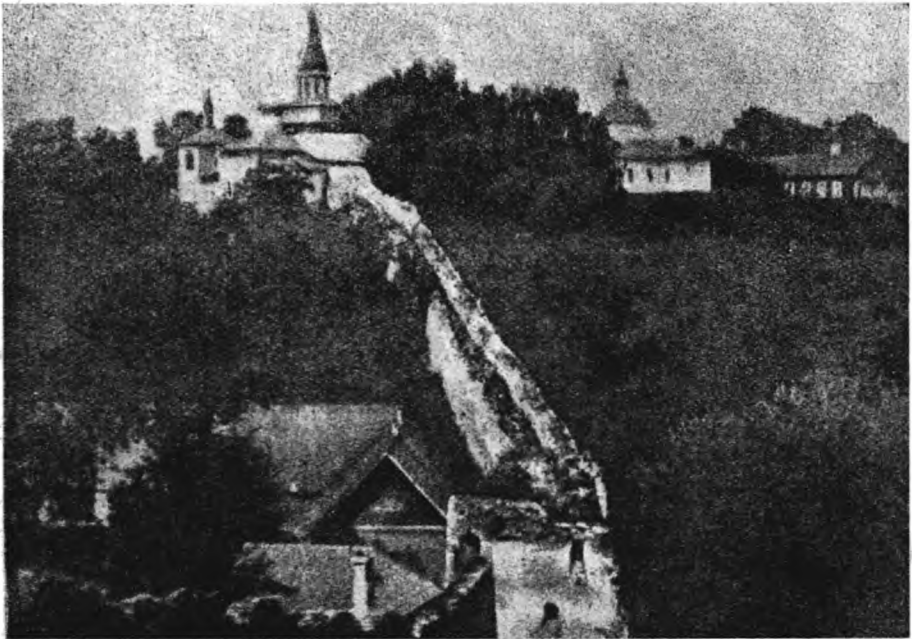
Такъ, художникъ Шмидтъ нашелъ, что свѣтописью можно создать цѣнные въ художественномъ смыслѣ портреты и достигъ поразительныхъ результатовъ въ портретной свѣтописи. Его портреты были не только фотографіей, а передавали душу, настроеніе, игру тѣней живого лица и казались такими же жизненными, какъ и портреты живописцевъ.

Саврасовъ — педагогъ, фотографъ-любитель — создалъ особый типъ въ

пани и Борисъ явились новаторами въ фотографіи. Отойдя отъ обычныхъ приемовъ свѣтописцевъ, они перешли къ свободному методу, выразившемуся въ передачѣ изображенія не отчетливостью контуровъ, а лишь соотношеніемъ свѣта и тѣней. Этотъ видъ свѣтописи напоминаетъ эстампы и офорты и передаетъ больше всего настроенія.

Упомянувъ о русскихъ свѣтописцахъ, мы должны отмѣтить и единственнаго въ Латвіи художника-свѣтописца А. Ридзнека, картинами котораго имѣла возможность любоваться Рига на фотографическихъ выставкахъ послѣднихъ

Фотографическая выставка журнала „Юный Читатель“.

Псково-Печерскій монастырь.

Фот. А Рындина.

свѣтописи и далеко оставилъ за собой англійскихъ и нѣмецкихъ собратьевъ. Его жанровыя картины пользовались огромнымъ успѣхомъ на выставкахъ — такъ правдиво и жизненно передавали они и природу, и кусочки быта. Особенной извѣстностью пользуются его картины: «Въ гости къ бабушкѣ» (печаталась въ журн. «Нива») и «У корчмы».

Русскій свѣтописецъ Тимирязевъ приобрѣлъ извѣстность въ свѣтописи русскаго пейзажа; Петровъ — въ области цвѣтной фотографіи портрета. Наконецъ Тро-

лѣтъ. Наши читатели помнятъ, вѣроятно, помѣщенную въ № 19 «Юнаго Читателя» картину этого свѣтописца «Осиротѣлые послѣ гибели «Нейбада».

А. Ридзнекъ — послѣдователь русской школы въ свѣтописи, и его учителемъ былъ лучшій техникъ свѣтописи, извѣстный петербургскій фотографъ Алексѣевъ.

Какъ видите, свѣтопись, хотя и молодое искусство, обладаетъ именами, художественное значеніе которыхъ никѣмъ не оспаривается.

И неудивительно: свѣтъ — лучшій жи-

вописецъ. Вѣдь то, что передаетъ на холстѣ художникъ, не что иное, какъ игра свѣта, и кому же лучше не передать ее, какъ самому свѣту. Нужно только умѣть овладѣть имъ.

Съ 31-го октября въ Ригѣ, въ салонѣ Романовскаго, открыта выставка фотографовъ-любителей журнала «Юный Читатель». На ней выставлено около 200 картинъ, увеличенныхъ съ тѣхъ снимковъ, которые были присланы на фотографическій конкурсъ, объявленный журналомъ.

Выставка эта носитъ показательный характеръ. Рядомъ съ фото-картинами.

исполненными художникомъ - свѣтописцемъ И. Борисомъ, будутъ помѣщены оригиналы, и наши фотографы-любители на этой выставкѣ увидятъ и оцѣнятъ возможности, которыя открываетъ передъ ними фотографія.

Для наглядности приводимъ нѣсколько снимковъ съ картинъ нашей выставки. Эти репродукціи, должны мы, однако, замѣтить, далеко не совершенно передаютъ самыя картины и могутъ дать о нихъ лишь нѣкоторое представление.

Нужно посѣтить выставку, чтобы вынести яркое представление о томъ, каковы въ дѣйствительности эти работы.

Л. К.

Русскіе скауты за границей.

Старшій русскій скаутъ, полковникъ О. И. Пантюховъ, основатель скаутизма въ Россіи и организаторъ русскихъ скаутовъ за границей въ послѣвоенные годы.

Съ весны 1919 года (12 марта на островѣ Прикино, Константинополь) русскіе скауты начали свое существованіе за границей.

Помѣщаемые въ этомъ номерѣ «Юнаго Читателя» нѣсколько фотографическихъ снимковъ покажутъ вамъ постепенное расширеніе сферы дѣятельности русскихъ скаутовъ.

Изъ Константинополя они распространились съ волной русскихъ бѣженцевъ по Болгаріи, Сербіи, Греціи, Франціи, Этопіи, Бельгіи, Манчжуріи и многимъ другимъ странамъ.

Въ настоящее время организациа русскихъ скаутовъ за границей насчитываетъ около 850 членовъ.

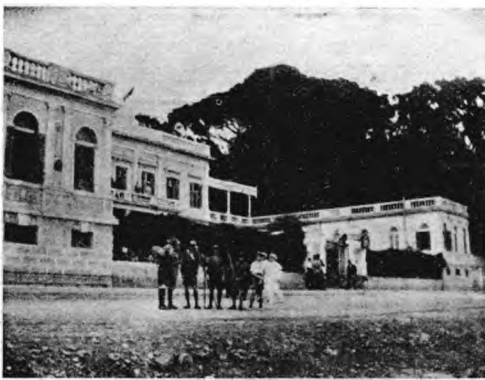
Всѣ интересующіеся подробностями относительно русскихъ скаутовъ или желающіе примкнуть къ этой организации могутъ обращаться къ старшему скауту Олегу Ивановичу Пантюхову (m-r O. Pantuckoff 25 E 99 Street New-lork City)

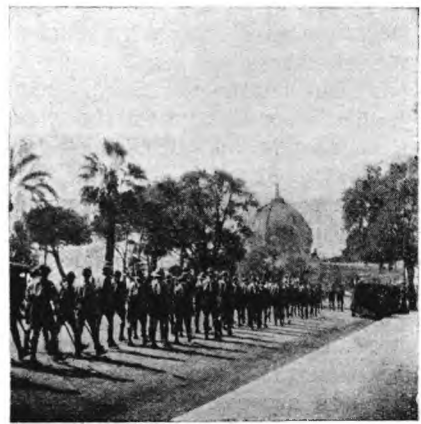
О. И. Пантюховъ среди основан-
наго имъ въ 1921 г. въ Константи-
нополѣ отряда русскихъ скаутовъ.

Около 140 русскихъ скаутовъ изъ
Парижа стояло этимъ лѣтомъ въ лагерѣ
у Антибъ. На фотографіи — отряды на-
правляются въ русскій православный со-
боръ въ Ниццѣ, гдѣ они присутствовали
на богослуженіи и панихидѣ по всѣмъ
навшимъ за Россію скаутамъ.

Одинъ изъ патрулей русскихъ скау-
товъ въ Константинополѣ на берегу Бос-
фора у зданія лѣтняго помѣщенія рус-
скаго посольства въ 1922 году. Вдали —
громадный вѣковой паркъ, принадлежа-
щій посольству, гдѣ у русскихъ скау-
товъ былъ продовольственный лагерь.

Три отряда русскихъ скаутовъ изъ
Парижа по пути въ лагерь проходятъ
черезъ Ниццу.

Въ настоящее время въ Ниццѣ также
основанъ отрядъ русскихъ скаутовъ.

Патруль русских скаутовъ въ Греции (Салоники) на походѣ.

Недавно русскіе скауты совершили очень трудный и интересный переходъ изъ Салоникъ въ Афонъ по замѣчатель-

но красивымъ историческимъ мѣстамъ.

На снимкѣ — на заднемъ планѣ — начальникъ нашихъ скаутовъ въ Греции полковникъ И. Ф. Петровъ.

УГОЛОКЪ СПОРТА.

Новая побѣда «Богатыря».

Воскресенье 10-го октября явилось знаменательнымъ днемъ въ жизни молодого русскаго спорт. об-ва «Богатырь». Его сильно выдвинувшаяся за истекшій сезонъ футбольная команда изъ состязанія съ «Вестуромъ» вышла съ новой побѣдой. Состязаніе прошло оживленно. «Вестуръ» и тактически и технически былъ гораздо слабѣе «Богатыря». Въ продолженіе перваго хавтайма «Богатырь» забиваетъ 5 головъ, причемъ первый изъ нихъ падаетъ на 8-й минутѣ. Сильно тормозилъ игру дождь. Поле размокло, стало вязкимъ, вслѣдствіе чего играть было труднѣе, и во второмъ хавтаймѣ команда «Богатыря» забиваетъ по счету лишь 6-й голъ.

Благодаря этой игрѣ, «Богатырь» переходитъ въ «В» группу.

Латвійскіе спортсмены на студенческой Олимпіадѣ въ Гельсингфорсѣ.

4, 5 и 6 октября въ Гельсингфорсѣ состоялись международныя легкоатлетическія состязанія студентовъ. Въ состязаніяхъ принимали участіе лучшіе спортсмены — студенты прибалтійскихъ государствъ.

Состязанія прошли въ условіяхъ чисто европейскихъ. Спортивный плацъ и бѣговая дорожка были идеальны. Особенно была хорошо устроена бѣговая дорожка, которую можно сравнить только съ дорожкой на Парижской Олимпіадѣ. Отъ Латвіи въ этомъ состязаніи принимали участіе: Ойя, Музисъ, Гуго Витоль (рекордменъ въ толканіи ядра), Ремерсъ, Розенбергъ, Іекаль, Гедвило, Эрдманъ, Э. Бергъ, К. Бергъ и Раминъшъ.

Изъ вышеперечисленныхъ латвійскихъ спортсменовъ особенно выдѣлился Гуго Витоль, которому удалось въ толканіи ядра достигнуть отличнаго результата — 14,24 м. (неофициально онъ сдѣлалъ феноменальное достиженіе 15,10 м., разница этого достиженія отъ міроваго рекорда выражается всего только въ 50 сант.).

Въ бѣгѣ на 100 метр. — Раминъ (Латвія) занялъ третье мѣсто 11,6 сек. Первымъ пришелъ — Хузгафельдъ. Время 11,1 сек. (новый рекордъ).

Въ бѣгѣ на 800 метр. представителю Латвіи Эрдману удалось занять только пятое мѣсто. На первое мѣсто здѣсь вышелъ Тумкора (Финляндія).

Футбольная команда „Богатырь“.

Конкурсъ юнаго филателиста.

Наибольшее количество контрольных марокъ прислали въ срокъ нижеслѣдующія лица:

- А. Мечниковскій** (Берлинъ), 48 очковъ (I и II премія: перманентный альбомъ съ 48 вынимающимися листами и серия либавскихъ марокъ).
- В. Лѣпиль** (Рига), 21 очко (III премія: серия перепечатокъ датскихъ марокъ 1926 года).
- Е. Финкельштейнъ** (Рѣжница), 15 очковъ (IV премія: юбилейная серия Испанскаго Королевскаго Дома).
- И. Соловьевъ** (Рига), 12 очковъ (V премія: юбилейная серия Испанскаго Королевскаго Дома).

Отдѣлъ обмѣна.

Р. Кристинъ (Эстонія, Нейме, Ресторанная ул. № 1) предлагаетъ обмѣнъ мар-

ками по каталогу Зенфа 1926 г. Имѣеть для мѣны: эстонскія №№ 15—18, 25—32, 35—41, 55—56, 60, 62. Желаетъ получить старыя латвійскія и всѣ литовскія марки. Первый не высылаеть.

А. Рындинъ (Эстонія, Юрьевъ, Якоби т. 4, кр. 4), желаетъ обмѣниваться марками и проситъ высылать марки Балк. полуострова, СССР, Францію, Нидерланды, Бельгію и марки дореволюц. періода — только штемпелеванные. Въ обмѣнъ можетъ выслать: Германію, Австрію, Польшу, Латвію, Литву и много друг.

П. Зиссерманъ (Азія, Китай, Харбинъ, Старохарбинское шоссе № 110, кв. 4), желаетъ мѣнять китайскія марки на марки странъ всего свѣта. (На конвертѣ дѣлать надпись: „via Siberia“).

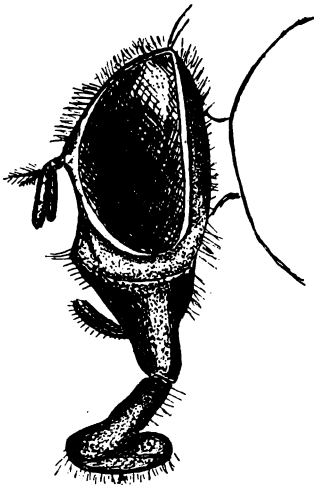

ОБО ВСЕМЪ ПОНЕМНОГУ.

Почему мухи жалят только осенью?

Недавно я работалъ въ своей лабораторіи. Стоялъ ясный осенній день, и солнце привѣтливо глядѣло въ окно. Вдругъ кто-то больно кольнулъ меня въ ногу. Я отдернулъ ее и заглянулъ подъ столъ. Съ ноги слетѣла муха и сѣла на ножку стола, принявъ самый невинный видъ, какъ будто хотѣла сказать:

— Чего тебѣ отъ меня нужно, я самая обыкновенная муха.

Голова комнатной мухи
(сильно увеличенная).

— Нѣтъ, шалишь, — отвѣчалъ я мысленно, — меня не проведешь. Порядочная муха подъ столъ не прячется и добрыхъ людей въ ноги не жалитъ. Ты, голубушка, жигалка — вотъ ты кто. А твои проказы даромъ не пройдутъ. — При этихъ словахъ я взялъ сачокъ, взмахнулъ имъ, и муха была поймана и заключена въ морилку.

Нерѣдко говорятъ: — Осень приближается, мухи начинаютъ жалить. — Говорять, впрочемъ, и «кусаться», но это ужъ совсѣмъ невѣрно. Нѣтъ, не обыкновенныя домовыя мухи начинаютъ осенью «кусаться», а жалитъ жигалка, которая, правда, очень на нее похожа. На рисункѣ показаны головы комнатной мухи и жигалки. Уже съ перваго взгляда можно видѣть коренную разницу въ устройствѣ

Голова жигалки
(сильно увеличенная).

ротовыхъ частей. Хоботокъ домашней мухи мягокъ и имѣетъ на концѣ мясную подушечку. Этимъ хоботкомъ муха не можетъ кольнуть, а можетъ только сосать при его посредствѣ. Неприятное раздражающее ощущеніе, которое мы испытываемъ, когда на нашу кожу садится муха, происходитъ отъ другой причины, — отъ щекотанія, вызываемаго коготками ея пожекъ. Совершенно иное мы видимъ у жигалки. У нея ротовыя части твердыя, въ видѣ шила, изогнутыя книзу. Этимъ «шиломъ» она можетъ уколоть, и, такъ какъ шило довольно тупое, уколъ причиняетъ острую боль.

Жигалка проводитъ весну и лѣто въ видѣ личинки въ навозѣ, затѣмъ окукливается, и только осенью изъ куколки появляется взрослая муха, которую поэтому прозвали «осенней жигалкой».

Вотъ почему мухи жалятъ только осенью.

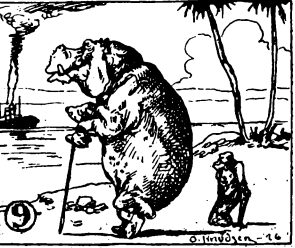
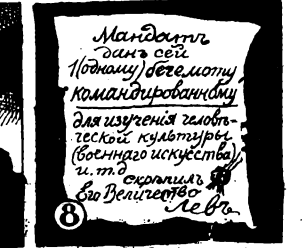
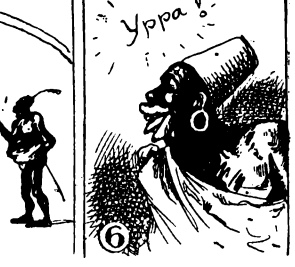
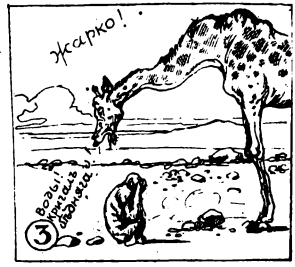
О. I.

Ростъ ногтей.

У дѣтей ногти растутъ быстрѣе, чѣмъ у взрослыхъ; ростъ ногтей начинается замедляться съ 30-лѣтняго возраста. Быстрѣе всѣхъ растутъ ногти на большомъ пальцѣ, медленнѣе всего на мизинцѣ. Въ среднемъ ногти вырастаютъ въ 10 сутокъ на 1 мм. Подсчетъ устанавливаетъ, что до 50-лѣтняго возраста чело-вѣкъ состригаетъ съ пальцевъ рукъ и ногъ свыше 36 метровъ ногтей.

Ю М О Р Ъ.

Война в джунглях.

1. Между неграми и звѣрями джунглей шла вѣковѣчная распря. И вотъ негры построили плотины и обезводили все джунгли.

2. Русло рѣкъ высохло, и все водоемы превратились въ сухія ямы. Бѣдные звѣри изнемогали отъ жажды въ тщетныхъ поискахъ воды.

3. Говорятъ: «голодь — не тетка», но, когда термометръ показываетъ 40 градусовъ въ тѣни, жажда — смерти подобна.

4. Звѣри советѣмъ извелись отъ жажды и вконецъ обезсилѣли. Тогда вооруженные негры напали на нихъ и обратили въ постыдное бѣгство.

5. Даже гигантъ-слонъ не могъ оказать никакого сопротивленія. Онъ былъ жестоко избитъ паршивенькимъ негрятенкомъ, когда, изнемогая отъ жажды, приблизился къ поселку.

6. Ведико было ликование негровъ, а злорадство — того плука. Негритянской король Гогонуть чуть не надорвалъ себя животъ отъ смѣха.

7. Изгнанные въ пустыню звѣри не погибли отъ жажды только потому, что нашли заброшенный водоемъ съ мутной водой.

8. И вотъ звѣри собрались на совѣтъ и рѣшили послать депутацію къ могущественнымъ бѣлымъ людямъ, чтобы научиться у нихъ, какъ побѣдить черномазыхъ враговъ.

9. Бегемотъ Юппо былъ срочно командированъ въ Европу, чтобы тамъ изучить военное искусство бѣлолицыхъ. Секретаремъ къ нему приставили шимпанзе Мунко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Большая конкурсная

ВЫСТАВКА работъ фотографовъ - любителей,

участниковъ конкурса журн. „Юный Читатель“,

открыта съ 31-го окт. въ помещеніи маг. В. Романовскаго
(Рига, Вальдемарская ул. 17, противъ город. музея.)

Около 200 художеств.-исполненныхъ фото-техникомъ I Борисомъ увеличеній съ работъ участниковъ конкурса фотографовъ журнала „ЮНЫИ ЧИТАТЕЛЬ“.

**Рѣдкіе снимки Печерскаго монастыря.
Природа Латвіи, Литвы, Эстоніи,
Италіи, Швейцаріи и др. странъ.**

Тамъ же выставка дѣтскихъ рисунковъ, присланныхъ редакцямъ „ЮНЫИ ЧИТАТЕЛЬ“ и газ. „СЛОВО“.

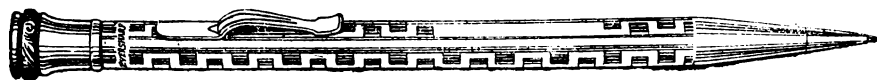
Чистая прибыль отъ выставки поступитъ въ пользу недостаточныхъ учащихся.

Присужденіе премій за фотографическія работы
участникамъ конкурса журн. „Юный Читатель“.

Преміи на сумму 240 Ls. (12.000 руб.)

1) Фотографическій аппаратъ „Reflex“ стоимостью	3.500 руб.
2) Увеличительный аппаратъ	2.500 „
3) Наборъ „бромъ-масла“ для трехкрасочной печати	1.500 „
4) Полный лабораторный наборъ.	1.500 „
5) Полный наборъ для проявленія	1.500 „
6) Полный наборъ для печатанія	1.500 „

Мечта каждого юнаго читателя — имѣть
EVERSHARP — Вѣчный карандашъ

WAHL PEN — Вѣчное перо

Генеральный представитель для всей Прибалтики

„World Service“

В. А. ШИБАЕВЪ

Рига, Мал. Замковая 1, кв. 4, тел. 2-2-9-1-1.

Школьники!

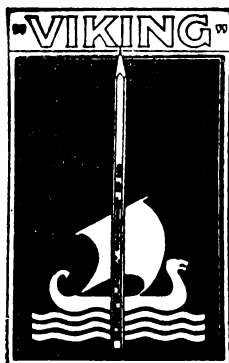
Ранцы, сумки, ученичesk. портфели, туфли для балета и спорта вы покупаете въ магазинѣ изящн. кожан. издѣлій

А. РАТФЕЛЬДЕРЪ,

(бывш. ПАРТУМЪ)

Основ. въ 1885 г.

Известковая улица (Kaļķu ielā) № 23, телефонъ 81-45

ШКОЛЬНИКИ

рисуйте и пишите

ТОЛЬКО

карандашами **VIKING**

Продаются во всѣхъ большихъ
:: писчебумажныхъ магазинахъ ::

Книгоиздательство и книжный складъ

S-ba „Daile un Darbs”

— Rīgā, Brīvības ielā Nr. 11. —

На складѣ издательства постоянно имѣется большой выборъ дѣтской литературы для всѣхъ возрастовъ.

Имѣется также большой выборъ довоенныхъ изданій.

Для младшаго возраста.

Книжки съ картинками — съ текстомъ и безъ текста.
Альбомы съ картинками.

Для средняго возраста.

Сказки и повѣсти съ иллюстраціями. Игры и развлечения для дѣтей.

Для старшаго возраста.

Повѣсти, рассказы, путешествія и приключенія.

Для воспитателей.

Вся необходимая литература по воспитанію, уходу и наблюденію за дѣтьми.

Требуйте спеціальные каталоги и списки по интересующему васъ вопросу.

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Заграницей: въ Европѣ 15 амер. центовъ, въ Америкѣ, Азіи, Африкѣ и Австраліи — 20 амер. центовъ.